

12+

Сергей Грушко

Восставшее поколение

Сергей Грушко

Восставшее поколение

«Автор»

2022

Грушко С.

Восставшее поколение / С. Грушко — «Автор», 2022

Крошечная человеческая община иного мира имеет свои традиции и порядки. Но не всем они по нраву. Те, кто готов отстаивать свою правду, вынуждены бежать в неизвестность огромной, девственной планеты. Путь назад отрезан погоней, смерть караулит на каждом шагу, свежи воспоминания о пропавших где-то здесь первопроходцах. Однако этот мир — их родина, они — не беспомощные дети, а неожиданная встреча сулит нечто большее, чем просто шанс спрятаться и выжить. Издание второе, расширенное.

© Грушко С., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Беглецы	5
Глава 2. Команда	14
Глава 3. Из отчета первых. Зона обработки	23
Глава 4. Море	36
Глава 5. Находка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сергей Грушко

Восставшее поколение

Глава 1. Беглецы

– Гляди-ка, Руслан, лодка, – Костя смотрел вдаль, на водную гладь Донца, по которой в их сторону двигалась небольшая долбленка с двумя гребцами. – Кто-то к нам с Северска тащится.

– Мы ждем, когда они пароход построят, а тут долбленки, – улыбнулся Руслан.

Лодка приближалась. Костя приложил ладонь ко лбу козырьком и чуть прищурился:

– Батюшки, Машка Воронцова с братом.

– Что их сюда понесло? Они вроде в Калитву по делам не плавают, – Руслан смотрел на лодку своими слегка раскосыми глазами.

– Машка едет себе жениха искать. Свои северские не подошли, – на ходу выдумал ответ Костя.

– Хорошее дело. В двадцать лет уже пора найти себе кого-нибудь, – Руслан поддержал шутку друга. – Хотя кого она тут найдет? Ей сразу к нам в Кумшак надо.

Товарищи засмеялись. Лодка плавно подошла к добротным деревянным мосткам, у которых сидели и балагурили два беззаботных молодых человека. Первой из нее выбралась невысокая стройная девушка в простой косынке, из-под которой виднелись недлинные каштановые волосы. Карие глаза цепко осмотрели все вокруг, лишь на миг остановившись на молодых людях. На тонких губах, сочетающихся с прямым римским носом и выразительными скулами, не было и намека на улыбку. Вслед за ней выбрался невысокий, худенький парень лет семнадцати, со всклокоченными волосами. Оба ужасно устали после долгой дороги.

Денис, брат Маши, вытащил из лодки большой, битком набитый рюкзак, в котором умещался весь их груз.

– Привет. Какими судьбами? – Косте не терпелось пообщаться со сверстниками, которых он в последний раз видел на прошлогодней осенней ярмарке в Северске.

– Привет. Мы к старосте. Покажете дорогу? – девушка часто заморгала своими длинными ресницами и быстро опустила глаза.

– Пойдем, тут два шага, – Костя направился по уходящей вверх брусчатке, сестра с братом следом, Руслан за ними.

– А что вы вдвоем-то в такую даль поплыли? – спросил Костя, которого так и распирало от любопытства.

Маша чуть помолчала, раздумывая, что сказать:

– Давайте мы сначала со старостой поговорим.

– Что, секрет?

– Да какой секрет? Просто долго рассказывать.

Поднялись наверх к трехметровому частоколу, окружавшему поселок. Прошли через калитку в воротах. По прямой, хорошо мощеной улице миновали два двора. Приблизились к широкой арочной калитке среди живой изгороди, за которой в глубине ухоженного сада виднелся добротный двухэтажный дом, облицованный белым камнем и крытый крупной темно-красной черепицей.

– Пришли, – Костя толкнул дверь калитки и шагнул на дорожку из того же белого камня, по обеим сторонам которой тянулся идеально подстриженный газон и небольшие клумбы с цветами. – Сергеич в доме скорее всего.

Звякнул медный придверный колокольчик. На звук дверь открыл высокий, опрятный, гладко выбритый, слегка седоватый мужчина лет шестидесяти.

– Здравствуйте, Борис Сергеевич. – Только и успела вымолвить Маша, как староста, окинув цепким взглядом пришедших, распорядился:

– Так, Костя, погуляйте где-нибудь, – он неопределенно махнул ладонью. – А вы заходите. И пропустил двух путников в дом. Друзья, слегка разочарованные, вышли на улицу.

– Ну что, в общагу? – Костя приподнял соломенную шляпу и несколько раз с силой провел туда-сюда ладонью по своему ежику волос соломенного цвета.

– Пошли, – поддержал его Руслан. – Пора ужин готовить.

– Ужин, так ужин. Все равно до завтра делать нечего.

Друзья поплелись в сторону общего дома.

Костя сидел на кровати, потирал легкую щетину своего подбородка и сосредоточенно изучал содержимое вещмешка:

– Ну что, гречку?

– Не, надоела. Давай рису, с морковкой. И чтобы масла побольше.

– А утку будешь? В леднике оставался горшок консервов.

– Можно.

– Ну тогда тащи.

Руслан встал из-за стола и направился к выходу. Но дверь отворили раньше него. Борис Сергеевич ворвался в дом и сразу перешел к делу:

– Так, дорогие мои, у вас в дорогу все собрано?

– В принципе, да. А что?

– Плыть в Кумшак нужно сегодня. Точнее, сейчас.

– Как сейчас?! На ночь глядя? Зачем такая спешка? – Костя ошарашенно смотрел на старосту. Руслан тоже выглядел удивленным, но вопросов не задавал.

– У Воронцовых проблемы с Радомиром. Скоро здесь будут его люди, а может и он сам. Дело запутанное, неоднозначное. Им надо где-то пересидеть месяц-другой. Пусть страсти улягутся, и тогда будет шанс решить все на холодную голову.

– Что за проблемы?

– Они вам сами расскажут. Они уже поплыли вниз. Будут ждать вас за первым поворотом на той стороне.

Ребята ошарашенно смотрели на него. Это был совершенно экстраординарный случай.

– Короче, надо их спрятать. Не буду вам советовать, где и как. Просто это моя большая личная просьба – сделайте так, чтобы их не нашли, ну и, конечно, чтобы они не пропали в глуши.

– Но ведь Радомир нас на изнанку вывернет, если все так серьезно.

– Придумайте что-нибудь, типа вы только еды им дали, и они отправились на Волгу, в таком роде. Поверьте, я в долгу не останусь. Вы меня знаете.

– Конечно, Борис Сергеевич. Что-нибудь придумаем. А может и правда им на Волгу?

– Смотря куда. Думаю, стоянки будут шерстить все, и на Дону и на Волге. Ближние точно, а может и дальние. Не удивлюсь, если до Астрахани доберутся. Скорее всего будет работать несколько бригад. И наших парней припадут. Да-да, не удивляйтесь. Я не смогу отказать. Формально Радомир будет прав. Поэтому прикиньте мозгами как следует. В свой поселок их лучше не завозите; чем меньше людей их увидит, тем лучше.

– Сделаем, Борис Сергеевич, – парни побросали свои нехитрые пожитки в вещмешки и поспешили на выход. – Остановимся у Глеба Виноградова.

– О боже. Кстати, как бы он тоже под раздачу ни попал. Пусть заберется куда-нибудь в глушь. А лучше, – староста на миг задумался, – ему вместе с Воронцовыми уходить, вместе легче будет.

– Передадим. Он в принципе парень неплохой...

– Ну вот и посмотрим на его поведение, – кивнул головой староста. – Там Колька понес к вам в лодку мешок с кое-какими припасами, на дорожку. Давайте. Удачи!

Плыть по речной глади в июльский полдень – не большое удовольствие. Даже края соломенной шляпы не сильно помогают от палящего солнца. Для поддержания нужной скорости даже вниз по течению приходится работать веслами, а тело гонит и гонит из пор кожи ручьи пота.

Миновали пологий спуск к реке, на котором сгрудились с десятков бизонов. Животные пили воду и лениво посматривали на лодку.

Денис не выдержал первым:

– Может привал сделаем?

– Устал? – усмехнулся Костя. – Ничего, в рудниках Бахмута отдохнешь. Там солнца нету. Прохладненько, если киркой не махать. Правда тогда пайки не будет.

Денис промолчал и перехватил весло. Ведь не поспоришь. Надо грести, чтобы добраться до Дона как можно быстрее. А там вообще придется двигаться против течения. Хорошо, если с ветром повезет. Можно будет парус поставить, иначе поползут на веслах.

– Да ладно, не переживай. Мы вас в обиду не дадим, – Костя, сидевший впереди, как будто вспомнил о том, что его слышит симпатичная девушка, и решил сменить тон с язвительного на покровительственный. – А ты молодец! По кумполу Ярополку, кочергой. Ха-ха-ха. Герой! Я б так не смог.

– Смог, если бы этот урод к твоей сестре полез, – буркнул Денис.

– Ну может быть. А что вы раньше оттуда не свалили, если там такой беспредел?

– Да не было беспредела, – вступила в разговор Маша. Она сидела третьей, между братом и Русланом, который устроился на корме. – Более-менее нормально жилось. Пока маму зимой не похоронили. Он стал внаглую клеиться, как лед сошел. До этого так – хиханьки-хаханьки – только заигрывал.

– Хм, весеннее обострение, – сострил Костя. – А что Радомир?

– Что Радомир? Он за своего сынка горой. Сам спрашивал у меня, когда замуж собираюсь. Мол, двадцать лет уже, все такое.

– Ну а что? Пошла бы.

– Да он псих! Тупой псих!

– Зато большой и сильный. И папаша – староста самого большого поселка в мире.

– Ага, властелин вселенной, – бросил Денис, крепче сжав весло.

– Слушайте, а ведь он точно Ярополка себе в преемники метит. Получается, ты следующему властелину вселенной чуть мозги не вышиб! Или все-таки вышиб?

– Нет. Только кровь была, и то немного. Мозгов не было.

– Ха-ха. Ну ты даешь! Мозгов не было. Он точно дышал?

– Дышал. И пульс был нормальный.

– Ну дай-то бог.

– Да не бойся, – сказала Маша, сжав узкие губы. – Он – скотина живучая. В детстве с высоченного обрыва падал, только руку сломал. В прорубь провалился – даже не кашлял потом. Ничего твоему Ярополку не будет.

– Что сразу моему? – деланно обиделся Костя. – К тебе лез, значит твой.

– Я ему несколько раз прямым говорю: «Отвали». Ну он решил осуществить свои сексуальные фантазии радикально. Вот и получил по башке.

– «Осуществить», «радикально» – ну и словечки у тебя. Слушай, а он что и Дениса вот так не постеснялся?

– Денис был на улице. Этот кабан зашел в дом и запер дверь изнутри. Денис вышиб окно, влез, увидел, что эта тварь уже на меня навалилась, ну и вмазал ему.

– Да понятно, понятно. Я ж говорю, твой братец – герой. А что, Ярополк вообще законов не боится?

– Ну наверно он бы потом сказал, что все было по согласию, а мы с Денисом позже сговорились. Да и что б ему сделали? Отец отмазал бы. В худшем случае отработал бы с полгода на рудниках. А мне от этого, знаешь, ни холодно, ни жарко.

– Неужели у вас в Северске все так запущено?

– Да мы только три года, как с Бахмута переехали. У нас ни матери, ни отца. Со своими Радомир сильно не борзее. Ну и плюс сынок его – чисто отморозок. Местные его тоже недолюбливают.

За высоким обрывом из белого известняка причалили к стоянке. Деревянная избушка стояла среди деревьев неширокого пойменного леса, который тянется вдоль всего Донца. Место для нее выбрали не случайно – рядом бил родник, который облагородили, обложив камнями. Путники обновили запасы воды, размяли затекшие ноги.

– Ухоженное место, – заметил Денис. – Тут кроме вас кто-то еще останавливается?

– Бывает, – ответил Руслан. В лодке он все больше молчал, чуть стесняясь умной, симпатичной соседки. А теперь, когда та отошла по своим делам, почувствовал себя уверенней. – Сразу после половодья стоянки до Дона обновляют калитвинцы. И эту тоже. По Дону до устья Донца обновляем мы.

– А дальше вниз по Дону есть стоянки?

– Есть одна, у Маныча. Дальше наверно нет. Я за Манычем не бывал.

– До Азовского моря не хотелось дойти?

– Можно было бы, но одному в лом. Просто так, без дела, неохота в такую даль переться. Кстати, в позапрошлом году ваши в Крым плавали, шли тем путем. В прошлом там вроде никого не было. – Руслан сел на лавку и протер травой запачканные илом мокасины. – А море я видел, Каспийское.

Денис чуть помолчал.

– Не могу представить – вода до горизонта. Красиво?

– Дух захватывает. А если еще высокие волны, то даже страшновато.

Забрались в лодку. Обогнули островок, густо заросший камышом, и выдвинулись на середину реки.

Теперь впереди сидел Руслан, Маша за ним, дальше Денис и Костя.

Руслан греб мощно и умело. Жизнь на реке научила его рассчитывать силы, отточила мастерство управления лодкой. В свои двадцать три года он уже пять раз ходил в ежегодные экспедиции к Астрахани, и был, пожалуй, одним из лучших гребцов этого мира.

Маша смотрела вперед, на зелень пойменного леса, заросли камыша, затейливые коряги, тут и там торчавшие из воды. Но ее взгляд снова и снова останавливался на спине Руслана. Его безрукавка не скрывала сильно загоревшие плечи и руки, под ней угадывались уверенно работающие мышцы. Капельки пота украшали худощавое, жилистое мужское тело. Она поймала себя на мысли, что откровенно любит его.

Вторую ночь пути провели на Дону. С ветром не повезло, и до стоянки добирались на веслах. Пристали в темноте. Быстро расправились с вареной картошкой в подсолнечном масле, с укропом, помидорами и огурцами. Копченую сомятину ели уже не спеша.

– Может зря утопили долбленку? – Денис тщательно вытирал жирные пальцы льняной салфеткой. – Хорошая лодка была.

– Не утопили, а притопили, на время. Как шухер с вами пройдет, достанем. А так пусть гадают, на чем и куда вы плывете, – авторитетно разъяснил Костя, деловито поправляя тюфяк на кровати. – Давайте спать. Если будет ветер, сразу тронемся, завтракать придется на воде.

Утро встретило безветрием. Но задерживаться не стали. По-быстрому подкрепились остатками вчерашней трапезы, похрустели перцем – еще одним гостинцем заботливого калит-

венского старосты. Грести по холодку было намного приятнее. Миновали один изгиб могучей степной реки, другой. Впереди показался ровный участок водной глади. На коротком безлесном отрезке высокого правого берега мелькнула стайка сайгаков.

– Поднажмем, – Костя явно вжился в роль начальника. Примерно через километр на подходе к очередному изгибу русла он, развернувшись, ловко встал в полный рост и всмотрелся вдаль. – Пусто.

– Что людей пугаешь? – не выдержал Руслан. – Скоростью нас не возьмут, только измором.

От этого «нас» у Маши стало чуть легче на душе. Девушка даже улыбнулась. Бесконечные километры речной глади уже не казались нудными и тягостными. Ей вдруг захотелось, чтобы этот почти незнакомый, не сильно разговорчивый высокий парень с необычными темными глазами как можно дольше находился рядом. Чтобы она могла видеть его мускулатуру, ощущать его силу, и чтобы его уверенность передавалась ей. Она погрузилась в свои фантазии, эфемерные, нечеткие, как вот эти облака на ярко-голубом небесном своде.

После обеда поднялся ветер. Облака унесло на восток. Весла убрали и поставили парус, скорость возросла. Маша вдруг осознала, что присутствие Руслана не вечно, что уже завтра или послезавтра, когда они доберутся до его родного Кумшака, он вполне может распрощаться с ней. Скажет что-нибудь типа «вот вам два мешка картошки, топор, и плывите на верхний Дон». Может? Да запросто. И что тогда? Тогда их там и найдут, скорее всего еще до осени. А не найдут, то зимой они просто замерзнут или погибнут в стычке со степными волками. Или вернуться в крошечный Кумшак, жителям которого нет никакого резона прятать их от гнева влиятельного Радомира. И что может их с братом спасти? На кого можно надеяться? Спасти может он. Вместе они смогут добраться до таких мест, где их никогда не найдут. Там они перезимуют – да, вместе точно смогут перезимовать – а потом... А потом видно будет. Но одного слова «нас», которое он случайно бросил, тут недостаточно...

К вечеру ветер сначала немного изменил направление, потом опять стал попутным и на закате подул с новой силой.

– Поплывем ночью, – Костя направил лодку веслом к центру реки. – Грех не воспользоваться такой возможностью. Рус, кто первый на вахте?

– Давай ты.

– По одному? Парами?

– Туч нет, ночью будет луна. Можно по одному. Если что, разбудим напарника.

– И напарницу, – встала Маша.

– Разумеется.

Для трех лежащих тел места в неширокой семиметровой лодке вполне хватало. Ящики с гвоздями и железными наконечниками для стрел – не идеальные постели, но спать можно и на них, особенно если сверху набросать побольше травы.

У плавания под парусом против течения по извилистому руслу есть одна особенность. Лодку иногда разворачивает к ветру так, что парус не помогает, и какое-то расстояние приходится выгребать на веслах, пока снова не поймают ветер.

Руслан сложил парус и взялся за весло. Он никого не будил себе в помощь, но не стал спорить, когда к нему присоединилась Маша. Вместе они выгребли до нужного места, но девушка не спешила ложиться спать.

– А правда у вас в Кумшаке нет своего старосты? – вполголоса завела она разговор.

– Нету.

– А сколько у вас дворов?

– Пятнадцать. И для четырех новых отмечены участки. Еще дом Глеба на отшибе.

– А Глеб с остальными общается?

– Ну да. Как только перебрался, держался особняком, а сейчас привыкли друг к другу.

– А он... это... ни к кому не лезет?
– В смысле?
– Ну, к парням.
– Нет, – хмыкнул Руслан. – Не замечал. Скорее, к нему лезут.
– Кто?!
– Вовка Митягин, тот самый, с кем его застукали.
– Так он же калитвенский?
– Вот и приезжает к нему, иногда. В гости.
– Ужас.
– А что ужас? Их личное дело. Они ж никому не мешают.
– Ну в общем-то да.
– Мы к нему сразу?
– Ага. Его дом стоит прямо у Дона. Сам поселок дальше, вдоль нашей речки.
– Помню. Я была у вас лет пять назад.
– Интересно. Не видел тебя тогда.
– Это была поездка со школой к месту появления. Заодно к вам заехали. Нас было десять детей и шесть взрослых.

– Припоминаю что-то такое. Кажется, я тогда первый раз был в походе к Астрахани.

Они говорили и говорили. Маша с легкостью находила темы для разговора. Это компенсировало некоторую нерешительность Руслана в общении. Ему нравилось внимание этой умной, симпатичной и – что уж там – привлекательной девушки. Не часто у него возникала возможность рассказать о себе, о своем детстве, об отце, которого он похоронил пять с лишним лет назад. О матери говорить он стеснялся, но собеседница была тактична и доброжелательна, и воспоминания о женщине, которая подарила ему жизнь, просто полились из него.

Вероника, его будущая мать, со своим мужем поселились в Калитве. Их первенец умер, не прожив и трех месяцев. Через год в зимнем походе к Волге ее муж получил воспаление легких и скончался уже около Кумшака в санях, которые тащили другие участники экспедиции. Его могила стала первой на кладбище этого поселка. Молодая вдова долго горевала, погрузилась в глубокую депрессию, а после ледохода попросила отвезти ее к могиле любимого человека. С могилы уходить она отказалась, сказала, что ляжет и умрет здесь. Сопровождающие долго упрашивали ее поехать назад, но она, уже с явными признаками безумия, агрессивно реагировала на их увещевания. В конце концов к могиле подошла тетя Зоя, сожительница отца, села рядом и стала что-то напевать на своем цыганском наречии. Пела, молчала, пела, молчала. Монотонные звуки и равнодушное присутствие другого человека подействовали успокаивающе. Тетя Зоя сказала, что побудет рядом с горюющей женщиной. Вдвоем они просидели всю ночь у могилки, а утром пришли в дом отца.

Истинный характер отношений Рафика Камилова, отца Руслана, и тети Зои так и остался неизвестным никому. В этот мир они попали на два года раньше других, не по собственной воле, и жили чуть обособленно. Друг друга они называли братом и сестрой, но, разумеется, родственниками не являлись: в старом мире он был курьером узбекской наркомафии, а она цыганской баронессой, оба были приговорены к пожизненному заключению, но вместо тюрьмы выбрали переброску в новый мир.

Живя в их доме, Вероника не имела никаких обязанностей. Она была на полном попечении этой странной пары и только изредка помогала Зое в несложных домашних делах, особенно любила поливать цветы на клумбах. После того, как Вероника забеременела, Рафик стал называть ее женой. Если на нее саму рождение сына, казалось, не произвело никакого положительного, в смысле ментального здоровья, эффекта, то Рафику это явно придало новых сил. У него появился наследник и, значит, смысл существования в этом мире. Немногочисленные соседи-кумшачане отнеслись к рождению ребенка спокойно. А из Калитвы, где о событии

очень быстро узнали, пришло лишь одно простое послание: если Рафик по своим узбекским обычаям сделает мальчику обрезание, его самого обрежут так, что других детей у него больше не будет.

Детство мальчика прошло на детской площадке в центре крошечного поселка, тогда состоявшего из семи-восьми дворов. Все дети росли, играли, кушали вместе под присмотром кого-то из взрослых. Потом вместе учились читать, писать и считать. Дрались, мирились, ябедничали, обзывались, дружили – и вместе постигали основные навыки, нужные для достойной жизни в этом необъятном, полном опасностей мире.

Мать умерла, когда Руслану было семь. Ее смерть не сильно опечалила мальчика. Она запомнилась ему тихо сидящей в своем уголке и мало обращающей внимание на его занятия. Иногда у нее случались приступы; она рыдала или даже выла, пугая мальчика, и тогда Зоя отводила Веронику в ее комнатку, которую наполняла каким-то сладковатым, травянистым дымом. Как правило, это помогало.

Гораздо чувствительнее воспринял Руслан уход тети. Это случилось, когда ему исполнилось тринадцать. Он плакал сам и видел слезы на глазах отца. Если на всех остальных могилах их кладбища стояли кресты, то на ее холмике встал большой камень с надписью «Зоя».

– А отчего умер твой отец? – прервала Маша печальный монолог.

– Что-то с сердцем. Он иногда говорил, что оно побаливает. И в тот вечер перед сном покряхтывал, потирал грудь слева. Уснул и не проснулся. Его могила вторая, на которой стоит камень, скромный камень без надписи.

– И как ты справлялся? Ну, с горем утраты.

– Попросился в поход в Астрахань. Новые люди, новые отношения. Брался за самые трудные дела. В Астрахани мирабилит¹ грузил за троих. Мне только показали, какой минерал лучше брать, а дальше я его на тачке с утра до ночи возил. Потом, как приехали, на охоту часто ходил, хотел к вам в Бахмут на шахту податься, но добрые люди отговорили. Как раз начали строить дома для семей второго поколения, я и впрягся. Рубил, таскал камни, бревна. Короче, тяжелый физический труд помог. А ты? Ну как ты...?

– Переживала смерть мамы?

– Да.

– Мне наверно легче, нас двое, мы поддерживаем друг друга. Но, по правде говоря, я еще и теперь не совсем отошла.

– Я тебя понимаю.

Они помолчали.

– Ладно, ветер стихает. Мы уже почти на месте стоим. Тут в паре километров стоянка небольшая. Даже не стоянка, а большая хижина, вчетвером поместимся. Но в ней все равно будет теплее ночевать, чем на воде. Давай будить наших и догребем туда.

– Как скажешь.

– Опа! Вовка Митягин! – Костиному удивлению не было предела. Возле устья Кумшака², на берегу стоял и махал им рукой среднего роста парень, лет восемнадцати, с рыжеватого цвета волосами, собранными сзади в хвост. – Он же оставался в Калитве.

– Значит, прискакал на лошади, – высказал единственно разумное предположение Руслан.

– Да кто ж ему лошадь доверит?

– Похоже, на то была важная причина.

¹ Мирабилит (глауберова соль) – минерал, необходимый для производства качественного стекла. В виде многометровых наслоений встречается в некоторых соляных озерах.

² Кумшак – правый приток Дона

– Он на лошади ездить как следует не умеет.

– Значит, причина суперважная.

На лодке воцарилось напряженное молчание.

– Поднажмем, – проявил инициативу Руслан.

Лодка еще толком не причалила к берегу, а Костя уже закричал:

– Привет. Ты как здесь очутился?

– С Колькой на лошадях прискакали.

– Что случилось? Не тормози, – Костя сгорал от нетерпения.

– Через несколько часов, как вы уплыли, с Северска пришел струг. В нем Радомир и еще пятнадцать мужиков. За вами, – Вовка показал на Воронцовых. – Ярополка нашли у вас в доме без сознания, с разбитой головой. Он очухался, но, похоже, того... крыша у него съехала: никого вокруг себя не узнает, плетет какую-то чушь, даже ложку сам держать не может. Короче, Радомир в ярости. Сказал, что разыщет вас на краю света и на всю жизнь засадит в шахту. Потребовал у Сергеича людей для поиска. Сергеич выделил восьмерых. Они пойдут искать вас к Маньчу. А Радомир со своими сразу сюда. Потом встретятся и будут обыскивать все стоянки.

Совет держали у Глеба во дворе.

– Тут такое дело, – замялся Вовка, – Сергеич спросил, хочу ли я остаться с Глебом. Сказал, что да. Тогда, говорит, вместе с Воронцовыми уходите подальше, а через год дадите о себе знать, и мы подумаем, что с вами делать.

– Короче, мы решили уходить с вами, если вы не против, – Глеб был более решительным.

– Не против, – коротко сказала Маша.

– А что мать твоя скажет? – спросил Костя у Вовки.

– Я ей ничего не говорил. Сергеич скажет. Она может еще и рада будет, что избавилась от извращенца.

– Есть один момент, – в разговор вступил Колька, сын калитвенского старосты. – Радомиру кто-то доложил, что вас, – он посмотрел на Костю и Руслана, – видели с ними.

Он указал взглядом на Воронцовых.

– Радомир сказал, что если узнает, что ты помогал им, – Колька снова взглянул на Руслана, – то найдет способ запрятать в рудники и тебя.

– Да этот гад – такой же беспредельщик, как и его сынок, – возмутился Костя.

– Если будет суд – а устроят его легко – я не уверен, что найдется много желающих испортить отношения с Радомиром из-за Руслана. Ну вы понимаете, – Колька отвел взгляд от пристально смотревшего на него Руслана.

На несколько секунд воцарилось молчание, которое прервал Вовка:

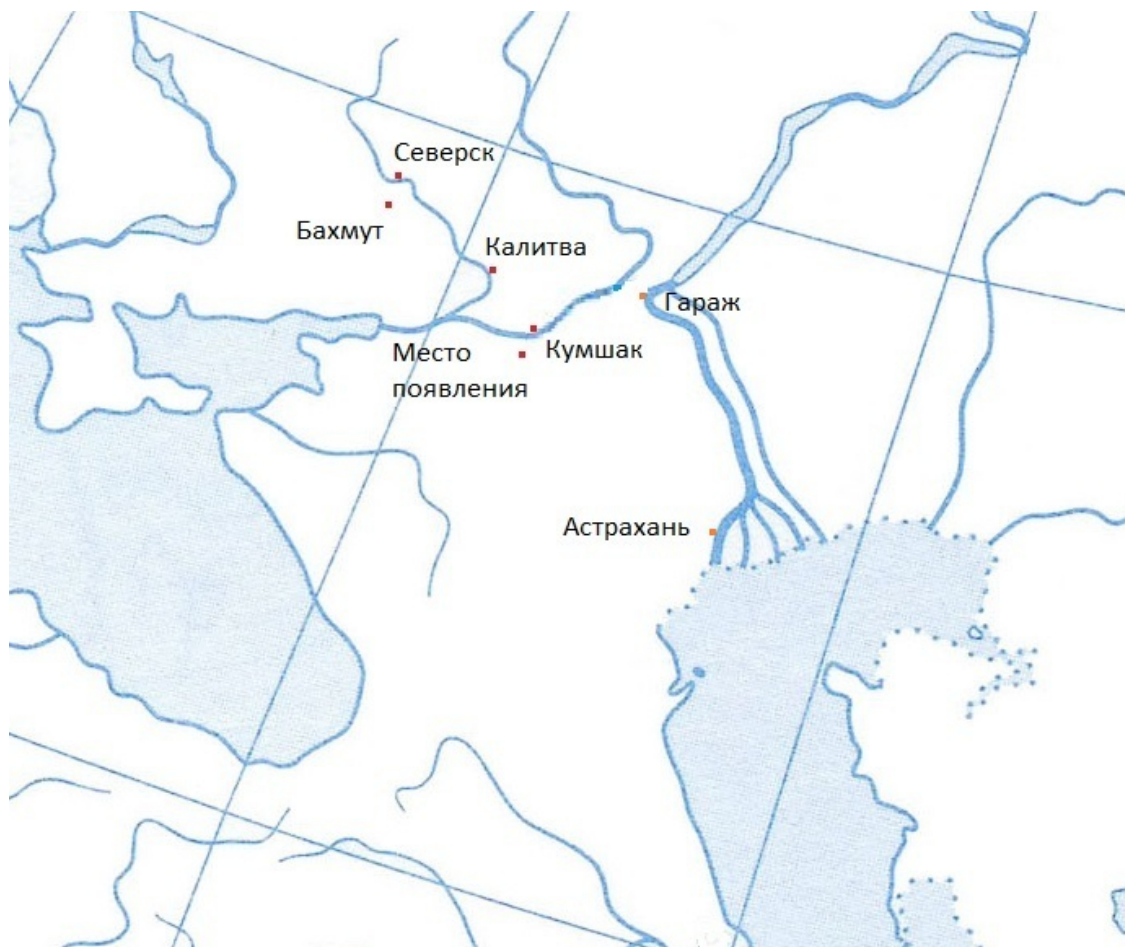
– Я видел, в каком бешенстве был Радомир. Он размахивал руками и вопил, как ошпаренный. Орал даже на Сергеича. Вспоминал прошлые обиды. Руслана называл очень нехорошими словами.

– Блин, – Костя с силой потрепал свой ежик волос. – Руслан, я бы на твоём месте уходил с ними. За домом я пригляжу. И сам бы с вами пошел, но ты знаешь, это будет капец для родичей.

Руслан был ошеломлен. Мысли в его голове толкались, как пойманная рыба в верше: «Вот так все бросить и пуститься в бега непонятно куда и на сколько? Превратиться в изгоя? И даже не по своей вине».

Ребята смотрели на него, он посмотрел на ребят. Задержал взгляд на Маше, повернулся к Кольке и произнес:

– Скажи отцу, что мы пойдём к Астрахани. Перезимуем в дельте Волги или на Каспии. Следующим летом пусть он передаст с теми, кто приплывет за мирабилитом, что нам дальше делать.

Глава 2. Команда

– Руслан, почему вчера мы ночевали в лодке, а сегодня на стоянке? – помешивая уху, Денис не забывал о своем любимом деле – задавать вопросы.

– В лодке в любом случае хорошо не выспишься. Со временем накапливается усталость, мы будем плыть медленнее, чем могли бы.

– Так они тоже устают.

– Они на струге, у него парус больше, больше сильных, умелых гребцов. В целом их скорость быстрее.

– Так они нас настигают?

– Они проверяют все стоянки. Поэтому, скорее всего, если и догоняют, то не радикально.

– Ты неправильно используешь это слово.

– Блин, да вас, северских, не поймешь. Короче, по воде они нас не догонят.

– Ты хочешь сказать, что по суше догнать могут?

– Могут, если пошлют кого-то вперед налегке.

– Так что же нам делать? – прозвучал Вовкин голос.

Руслан отвел взгляд от очага и увидел, что все смотрят в его сторону.

– Мы высадимся на берег не доходя до донского гаража и пойдем пешком. Я там охотился и примерно знаю дорогу. Так будет быстрее. Правда, спать придется под открытым небом, две ночи, не меньше.

– Это терпимо, – облегченно сказала Маша.

Пятерка путников быстро двигалась вдоль обрывистого берега Дона. Здесь даже не было леса, который мог бы спрятать их от испепеляющего солнца. Приблизились к высокому, отдельно стоящему тополю.

– Привал, – распорядился Руслан. Он постепенно привыкал к новой для себя роли лидера. Приставили копыя к стволу, скинули тяжелые рюкзаки-поняги, завалились на траву. – Отсюда сворачиваем в степь. Я залезу наверх и посмотрю, не видно ли погони.

– Давай я, – вызвался Вовка.

– Ну давай.

Руслан вынул пробку из тыквенной фляги и сделал глоток еще не успевшей нагреться воды.

– Лодка! – Вовкин крик поднял всех на ноги.

Руслан достал из рюкзака подзорную трубу, повесил на шею и молнией метнулся наверх. Вот и пригодился щедрый подарок Сергеича, который Колька передал ему при расставании.

– Струг северских. С полтора десятка человек, – сообщил он, слетев с дерева. – Идем до тех кустов, а дальше резко в степь. Они пока далеко – нас не заметят.

После двух часов непрерывной ходьбы по выжженной траве подошли к небольшому скоплению деревьев, в тени которых нежился табун тарпанов. Животные неторопливо ускакали на безопасное расстояние, а путники заняли их место.

– Фу, нагадили, – ворчал Денис, выбирая место почище и попрохладнее.

– У всех с ногами порядок? – спросил Руслан.

– Все норм, – лениво проворчал Денис, и после небольшой паузы добавил. – У меня в школе были одни пятерки по выживанию. А у тебя?

– Нам по выживанию оценок не ставили. Были только «зачет» и «незачет».

– А ты вообще как учился? Хорошо?

– Нормально.

– Какой у тебя был любимый предмет?

- Затопление лодок, – ответила за него Маша, и они с Денисом засмеялись.
- Не понял юмора, – недоуменно прокомментировал Вовка.
- Сегодня он второй раз на моих глазах пустил ко дну совершенно исправную лодку.

На ночлег встали прямо посреди степи, сразу как только стемнело. Костер не разжигали, опасаясь, что преследователи его смогут заметить или учуять запах дыма. Для уставших тел подстилки из полыни было достаточно. Света луны под безоблачным звездным небом хватило, чтобы найти в рюкзаках последние огурцы, копченое мясо и сухари.

Дежурили по одному, потому что вероятность неожиданного нападения волков в голой степи была небольшой. Очередь Маши была предпоследней. Ее сменил Руслан, но девушка засыпать не спешила.

– Я слышала, Костя называл тебя Рус. Можно, я тоже буду тебя так называть? – спросила она вполголоса.

– Конечно.

Маша чуть помолчала.

– Забавно.

– Что?

– Ты единственный из всех людей не чисто русский, но именно тебя зовут таким редким именем – Рус.

– Чисто, не чисто – глупости все это.

Маша чуть помолчала.

– Я никогда не понимала эту заикленность на национальности.

– Как не понимала? Ты не знаешь, почему среди нас только русские?

– Это я знаю. Я не понимаю, почему теме национальности уделяют столько внимания.

– Хм. Ну это в Северске любят такую тему, а у нас в Кумшаке об этом редко говорят. И в Калитве я такие разговоры редко слышу.

– Точно. Это любимая тема Радомира и его дружков. А когда мы в Бахмуте жили, там тоже об этом как-то не говорили.

– Да вообще какая разница – русский, нерусский?

– Вы задрали своими русскими. Дайте поспать, – подал голос Глеб.

– Да. Ложись-ложись. Днем понадобится много сил.

С рассветом все были на ногах. Шли целый день под испепеляющим солнцем, с небольшими остановками. Время от времени кто-нибудь забирался на изредка встречавшиеся холмики и разглядывал окрестности. Особое внимание обращали на направления, откуда мог появиться авангард преследователей. После обеда достигли гряды высоких голых холмов, которая и являлась водоразделом двух великих рек.

– Теперь нам сворачивать на северо-восток, – на следующей остановке Руслан стал обрисовывать планы. – Около Волги высматривайте высоченный холм. К нему подходим вдоль речки с юга. Гараж стоит на ее северной стороне.

– Странное слово, – отреагировал Денис.

– Какое слово?

– Гараж.

– Это потому, что там не изба, а здоровенный сарай, а в нем помещаются струг и большая телега, и есть жилая пристройка. В общем-то, этот сарай и называют гаражом.

– Понятно.

Вторую ночевку устроили в небольшой балке, чтобы под утро не замерзнуть из-за появившегося свежего ветра. Костер опять не разводили, боялись близкой погони. Ближе к утру где-то в степи выли волки, но дежурный не стал будить напарника.

– Сегодня надо быть особо осторожными, – перед выходом предупредил Руслан. – Если погоня идет от донского гаража, они нас не догонят. А если высадились раньше, то могут быть совсем рядом.

Долго шли по голой степи, которая чем дальше, тем больше напоминала полупустыню. Наконец достигли череду холмов и с высоты рассмотрели узкую полосу невысоких деревьев, теряющуюся вдаль.

– Речка? – спросил Глеб.

– Наверно. Давайте подойдем, может что с деревьев рассмотрим.

Дорога заметно пошла вниз. Это обстоятельство и то, что появилась какая-то видимая цель, придали путникам сил. Но вместе с тем нарастало нервное напряжение, ведь они все ближе и ближе подходили к месту, куда стремятся и их преследователи.

Подшли к балке и по тропе со множеством следов от копыт перебрались на ее северную сторону. Руслан влез на высокое дерево и посмотрел по направлению течения речки. Там, километрах в пятнадцати, был заметен высоченный холм и темно-зеленая полоса пойменных лесов Волги. Он внимательно огляделся по сторонам. Ничего и никого. Только с запада приближалось большое стадо сайгаков, идущих на водопой.

Переться напролом сквозь скопление сотен животных было неразумно, поэтому пришлось вернуться на южный берег речки и двигаться вдоль него. Трава становилась все выше, что замедляло путь. Стали чаще попадаться змеи. Выпорхнула из-под ног пугливая дрофа.

Приблизились к воде, чтобы перейти вброд на северную сторону. Оказалось, что глубина речки здесь уже почти по пояс. Все разулись, сняли бродки, закатали, подвязав под грудь, рубахи и переправились на тот берег.

Руслан шедший первым, выбрался из воды, убедился, что поблизости нет опасности, и обернулся глянуть, как дела у остальных. Его взгляд непроизвольно остановился на Маше, которая уже была на берегу и осматривалась, где лучше примоститься, чтобы натянуть мокасины на свои стройные ноги. В этот миг он на себе ощутил действительный смысл выражения «захватывает дух»...

Не одеваясь, чтобы обсохнуть, прошли с километр. То ли от жаркого солнца, то ли от каких-то не совсем понятных душевных процессов Руслан потерял бдительность и наступил на край почерневшей обломанной ветки. Лодыжку пронзила острая боль.

– Черт! Гадюка!

Копьем он отбросил змею далеко в сторону.

– Ужалила?! – первым к нему подскочил Глеб.

– Здесь, в ногу.

– Садись!

Руслан завалился на землю. Глеб бросился отсасывать яд из раны. Его по очереди сменяли все остальные. Когда нога покраснела и начала опухать, ранку промыли и перевязали. Укушенный обхватил Глеба и Вовку руками за плечи и на здоровой ноге доскакал до тени ближайшего дерева.

– Тут часа четыре ходу осталось.

– Тебе нельзя ходить как минимум сутки.

– Какие сутки?! Нас догонят!

– Надо нести, – вставил Денис. – Нас четверо, – как раз для носилок.

– Может все-таки доковыляю? – виновато сказал Руслан.

– Ага, доковыляешь, до того света. Понесем, – в голосе Маши чувствовалась решительность. – Начинай пить воду.

Через четверть часа носилки были готовы, и молодые люди медленным шагом отправились в путь, неся Руслана, которого уже стал бить озноб.

Шли с частыми остановками, отдыхая и меняя руки. Вечером, когда до цели оставалось совсем немного, Вовка испуганно произнес:

– Там дым.

– Где? – удивился Глеб.

– Там, где должен быть гараж. Смотрите.

– Не может быть. Они не могли так быстро прийти, – Маша была склонна доверять расчетам Руслана. – Давайте глянем в подозрную трубу.

Труба лежала в рюкзаке, а рюкзак – под головой погрузившегося в забытье Руслана.

– Что? Что такое? – очнулся он, почувствовав, как приподнимают его голову.

– Над гаражом дым. Мы хотим рассмотреть в подозрную трубу, – объяснил Вовка.

– А, давай.

– Да откуда там дым?! Там никого не может быть! – Маша стояла на своем.

– Там может быть Андреич, – тихим голосом сказал Руслан.

– Точно! – воскликнул Глеб. – Только он.

– Кто?! – Маша смотрела на них удивленными глазами.

– Андрей Андреевич Охрименко, из Кумшака.

– Что он здесь делает?

– Смотрит за стоянками на Волге.

– А он нас не задержит?

– Нет. Он мой друг, и недолюбливает Радомира.

Это действительно был дым, и какое-то время он служил хорошим ориентиром. Уже в сумерках, совершенно обессилевшие, вышли к гаражу и остановились метрах в двухстах от него. Глеб пошел на разведку и вернулся со среднего роста, лысоватым мужичком.

– Ну как ты, дорогой? – обратился тот к Руслану.

– Мутит, но в целом терпимо.

– Пил?

– Все время, понемногу, как положено.

– Молодцы, что не дали ему двигаться, – Андреич подхватил носилки сразу за две ручки вместо Воронцовых.

– Андреич, нам надо валить отсюда, – лидер маленького отряда не забывал о деле.

– Что, так срочно?

– Очень. За нами погоня. Нас ищут северские.

– Сейчас войдем в дом, расскажем свой детектив.

Минут двадцать все лежали на кроватях и отходили от долгого пути.

– Да, история. В сущности все понятно, но есть один нюанс. У меня не укладывается в голове, как Борис мог передать вам свою подозрную трубу. Он осторожный и прижимистый человек, но вот взял и вручил такую уникальную, ценнейшую вещь беглецам. И, конечно, он понимает, что, если вас найдут, его помощь выльется наружу, но готов идти на такой риск. Значит, успех вашей экспедиции чрезвычайно важен для него.

Андреич обвел всех взглядом:

– Пять человек – это не двое, это уже серьезно. Вы уже можете управиться со здешним стругом и уйти, куда угодно. И за вами будут гоняться целую вечность. А пока Радомира с его верными людьми нет в Северске, там многое может случиться...

– Что там может случиться? – восторженно спросил Руслан, которому в прохладе помещения стало полегче.

– Давайте поговорим об этом в лодке.

– Ты поплывешь с нами?!

– Ну куда я брошу тебя в таком состоянии?

Струг выкатили из гаража на воду и погрузили в него весь неприкосновенный запас. Сзади подцепили за веревку лодку Андреича.

– Мужики в следующем году будут злиться, – Руслан смотрел на исчезающие в темноте контуры гаража.

– Ничего страшного. Они будут готовы. Построят новый струг и привезут сюда. Этот пора уже менять.

– Сколько струг катили от Дона до Волги?

– Дней семь. Можно было бы и быстрее, будь колеса побольше. Сейчас будет легче – дорога хорошо известна.

– Северцы поплыву за нами? – задала Маша вопрос, волновавший ее больше всего.

– Раз Радомир сказал, что разыщет на краю света, значит, поплывут. И калитвинцы с ними за компанию, – не стал юлить Андреич. – Все, бросаем якорь и баиньки.

Первый день сильно не гребли, отдыхая от вчерашних нагрузок. Широкий восьмивесельный струг, неспешно сплавлялся вниз по Волге.

– На первой стоянке ночевать не будем, от греха подальше. Остановимся на второй, – Андреич обрисовывал планы на ближайшее время. – Там же наберем кремня. Будет чем занять время.

– Андреич, ты как в гараже оказался? – подал голос Руслан. – Ты ж на все лето куда-то на север собирался.

– Совершенно случайно, можно сказать. Я в Камышине стоянку до ума доводил. Добрался быстро – с попутным ветром повезло. Начал работу. И не поверишь – брал с собой два топора и пилу – все сломал. Херовое у нас, брат, железо. Пилы – вообще жуть. Вот вернулся в гараж, взять старый топор. Там-то работы осталось совсем ничего, – за неделю бы справился.

– Извините, где это – Камышин? – спросила Маша.

– Можно на ты. Это место на западном берегу Волги, километров сто к северу от гаража. Там устье речки Камышинки. Речка интересна тем, что ее исток расположен близко от Иловли, притока Дона. Самое удобное место для переброски тяжестей из Волги в Дон.

У второй стоянки действительно оказался хороший кремень. Теперь можно было спокойно сидеть в лодке и делать наконечники для стрел, с пользой проводя время. Кремневые наконечники, конечно, хуже железных, но их не жалко терять. Когда появится возможность обзавестись железом, было совершенно непонятно.

Два дня дул попутный ветер, и за это время, подняв парус, удалось покрыть значительную часть пути. Дальше шли, попеременно пользуясь парусом и веслами.

За это время Руслану стало лучше, опухоль спала, но нога все еще была сплошной гематомой. Наступать на нее было больно, и на стоянках до места ночлега он добирался, обхватив товарищей за плечи.

В этот раз пришлось взбираться по довольно крутому подножью прибрежного холма.

– Что пониже стоянку не сделали? – недовольно проворчал Денис.

– Опасно. В паводок может берег размывать. Все в реку рухнет.

Денис недоверчиво прикидывал расстояние.

– Не веришь? – улыбнулся Руслан, усаживаясь на лавку под навесом веранды. – Это вторая изба здесь. Первая была вон у того обрыва. Простояла два года. На третий год приплыли, а ее нет. Вообще. Ни малейшего следа.

Подшли остальные.

– Ну что, Андреич, завтра будем в Астрахани?

– Должны. Там уже яблоки поспели. Сделаем утку с яблоками. А еще немножко алычи добавим, для аромата. М-м-м, объеденье. Что, Денис, у вас в Северске есть алыча?

– Есть. Даже слива есть.

– Слива? Откуда?

- С Крыма привезли.
- А, так она еще не плодоносила.
- В этом году я уже видел три плода. Зеленые правда.
- Что еще интересного из Крыма притащили?
- Цветы, травы какие-то лечебные. Иосиф чай давал пробовать, – классный!
- Иосиф? – ехидно улыбнулся Андреич. – Он-то как поживает? Не совсем еще башкой тронулся?
 - Да нет. Бывает, сочиняет что-нибудь. Но спокойный, и добрый. Хочет в Крым перебраться, жить там. Всех с собой зовет.
 - И как? Срабатывает агитация?
 - Что?
 - Народ ведется на его призывы? Кто-то хочет уезжать?
 - Кое-кто из молодых был бы непротив. Но старшие в основном скептически настроены. Радомир, тот вообще бесится от этих разговоров. Говорит, подцепите малярию, никого назад не пушу, установлю вечный карантин, пост в устье Дона, пока все не передохнете.
 - Ха-ха-ха, – засмеялся Андреич. – Похоже, чем дальше, тем больше ваш Северск превращается в скопище фриков.
 - Кого?
 - Забавных идиотов. Хотя это предсказуемо.
 - Почему?
 - Да мы все тут оказались не от большого ума – в смысле, первое поколение – а уж с Радомиром пошли самые сливки общества. Короче, хорошо, что вы оттуда свалили. И чувствую, что таких беглецов из молодежи будет все больше. Молодежь-то у вас нормальная?
 - Всякая. Но Ярополк был хуже всех.
 - Ох, вся надежда на вас, на молодых.
- На следующий день после обеда подошли к Астрахани. Денис смотрел на такой же высокий, как и на прошлой стоянке, холм, на котором расположилась обычная изба с высокой черепичной крышей и окошками, прикрытыми ставнями. Совсем небольшой участок вокруг дома был окружен не сильно высоким плетнем.
 - Это и есть знаменитая Астрахань?
 - А чем тебе не нравится? – улыбнулся Андреич. – В доме даже окна застеклены. Стекло, правда, мутноватое. Самая южная регулярно посещаемая людьми точка мира. Оплот цивилизации.
 - Дальше ни одной стоянки?
 - Через шестьдесят километров Каспийское море. А стоянок нет. Ладно. Добро пожаловать.
- О, гусь – тоже неплохо, – поблагодарил Андреич Глеба и Вовку, через пару часов вернувшихся с охоты. – Денис уже яблок набрал, так что, если мирабилитчики в этот раз винный уксус не вылакали, то считай все ингредиенты у нас есть.
 - Ну и шутки у тебя, Андреич, – Руслан перевернулся с боку на бок. – Где ты слышал, чтобы уксус пили?
 - Господи, я все забываю. Вы же, дети этого мира – святая невинность. Пили, Рус, пили по пьяни. А потом дохли.
 - Сколько раз бывал в экспедиции, ни разу не видел, чтобы кто-то алкоголь пил.
 - Все, кто сильно пил, копыта отбросили давно, в первые две-три зимы, еще до дальних походов.
- Гусь получился на славу. Даже без гарнира.

– Вкусноти-и-ища, – доедая последние яблоки, протянул Вовка. – Маш, налей, пожалуйста, компота.

– И мне, – протянул кружку Андреич. – Эх, сейчас бы чайку. Нет, лучше кофейку. Десять лет жизни отдал бы за чашечку кофе.

– Моя мама тоже иногда о кофе вспоминала, – лицо Маши стало задумчивым. – Что в нем такого?

– О, Маша. Напиток богов!

– На что похож?

– Не знаю, как объяснить словами.

– Ну хоть примерно.

– Представьте, если пожарить зерна ячменя, мелко растолочь и залить кипятком. Будет что-то отдаленно напоминающее.

– Фу, – скривился Глеб.

– Я ж говорю, не объяснить словами.

– Легкий наркотик? – уточнил Вовка.

– Нет, совсем не наркотик. Тонизирующий напиток, как чай.

– Ну так пейте чай, – недоуменно сказал Вовка.

– Кстати, наш чай – это не настоящий чай. Растение чай здесь не живет. Чаем мы называем травяные отвары. Это вкусные напитки, но не настоящий чай. Так вот, кофе лучше настоящего чая.

– А как получают кофе?

– Из зерен куста, который растет в Африке, в Эфиопии. Это сразу за Красным морем.

– Когда в Турцию плавали, почему туда не поплыли?

– Вова, теоретически можно сплавать и в Эфиопию. Полгода туда, полгода обратно. Может быть повезет и обнаружится этот куст. И что? Привезти десять мешков зерен, которые здесь нельзя будет сажать?

– Почему десять? Двадцать.

– Хорошо, двадцать. Из-за двадцати мешков кофе плыть черте куда?

– Так всего лишь год.

– Полтора, не меньше.

– Но вы же сказали, что готовы отдать за него десять лет жизни?

– Ха, Владимир, ты меня уел. Я, конечно, тоже немного сумасшедший, по Волге до Камы в одиночку ходил, но поверь мне, мальчик, поход в Эфиопию – это на самом пределе возможностей всех наших общин вместе взятых. И без достаточно веской причины рисковать жизнями десятка крепких мужчин – это, как минимум, неразумно.

– А пять крепких мужчин и одна женщина туда дойдут?

За столом повисла пауза и все взгляды сошлись на сказавшем это Денисе, который с невинным видом обгладывал гусиную косточку.

– Господи, у меня дежавю, – прервал молчание самый старший участник разговора. – Денис Воронцов.

– Что?

– Нет, я не о тебе, а о твоём отце, Денисе Воронцове.

– Не поняла, – насторожилась Маша. – Почему вы о нем вспомнили?

– Это была его идея отправить экспедицию в Индию. Мы примерно так же сидели в беседке у детской площадки в Кумшаке, и он так же огорошил всех своим рискованным предложением. Только речь шла не о кофе, а о хлопке и цитрусовых.

– Вот тебе и гены, – Глеб был явно ошарашен. Он, как и все, хорошо знал о судьбе Дениса Воронцова-старшего, который восемь лет назад возглавил экспедицию в долину Инда. Экспедицию, пропавшую без следа. Два года спустя спасательная партия дошла до устья реки Куры

в Южном Каспии. Последний след экспедиции – традиционный знак в виде высокого треножника из древесных стволов – был найден на Апшеронском полуострове. В его основании в горшке лежала глиняная табличка с датой и надписью 7+, означавшей, что у всех семерых участников экспедиции все в порядке. Тщательно проверили устье Куры, но ничего не нашли. Идти еще южнее – к устью следующей большой реки, в Иране – поисковики не решились, приближался сезон штормов. Для немногочисленного людского сообщества это был очень серьезный удар судьбы. Семеро сильных мужчин, отцов семейств одновременно исчезли навсегда.

– А ты знаешь, парень, я ведь без малого в ту экспедицию не пошел. Я был запасным, сопровождал их до Волги, помогал перевозить струг, да, один в один как наш.

– Вы, кажется, и в поисковую партию входили? – заблестели глаза Маши.

– Да. Я – из Кумшака, двое – из Калитвы и четверо – из Северска. По мне, так можно было пойти дальше, к Ирану, но остальные не особо рвались. Я даже подумывал пойти туда в одиночку, но не хотелось ослаблять команду, все-таки путь назад предстоял нелегкий. Так и случилось. Много шли на веслах, попали в сильный шторм, отсиживались несколько дней на берегу, почти на барханах.

– Как вы думаете, что с ними на самом деле случилось?

– Основная версия звучит правдоподобно. Лодку, идущую под парусом, действительно могло перевернуть неожиданным шквалом и штормом отнести в открытое море.

– А если они все-таки дошли туда? Если их там что-то задержало?

– Прошло восемь лет. Что может задержать на такой срок?

– Или кто-то...

– Маша, оставь это для детских страшилок.

– При чем тут страшилки? – девушка посмотрела в глаза собеседнику. – Если здесь есть мы, то могут быть и другие!

– Это нереально. Мы бы давно уже заметили какие-то следы.

– Нереально?! А то, что мы все сидим в убогой халупе там, где должны стоять небоскребы миллионного города, это реально?!

– Ну какие в Астрахани небоскребы? Максимум шестнадцатиэтажки.

– Блин, шестнадцатиэтажки! Шестнадцати – этажки! Вы понимаете, что вы такое говорите?! Самый высокий дом, который я видела, был в четыре этажа! И тот развалился.

– Ну не заводись, не заводись. Успокойся. Я понимаю твои чувства.

– Мои чувства? – голос ее задрожал. – Через неделю брата утопят, а меня отымеют всей командой. Вот и все чувства. Простые человеческие чувства.

– Спокойно, спокойно, девочка, – примирительно приподнял руки Андреич. – По-моему ты переутомилась, уже накручиваешь сама себя. Мы не совсем еще озверели, и законы никто не отменял.

– Законы, – ее лицо исказила гримаса. – Радомиру плевать на законы. Его Светка часто синяки под платком прятала. Может и умерла в сорок лет от этого. Вот вам и законы.

– А ты откуда знаешь?

– Мама говорила! Она врать не стала бы.

– Ой, ладно, пойдемте на свежий воздух, – Глеб первым не выдержал эмоционального накала. – Завтра на свежую голову все порешаем.

Утром Руслан уже сам потихоньку, прихрамывая вышел на свежий, еще не успевший сильно нагреться августовским солнцем воздух. Огляделся по сторонам. Маша с братом спустились с прибрежного бугра, направляясь в сторону небольшого фруктового сада. Глеба с Вовкой нигде не наблюдалось, видно еще не вернулись с охоты. Андреич сидел на веранде и вытесывал топором новое весло.

– Ну что, земляк, выспался? Нога, я смотрю, отходит помаленьку?

– Да, уже полегче.

– Через неделю будешь как сайгак бегать, – Андреич сменил топор на нож и принялся за более тонкую работу.

Помолчали. Руслан смотрел в сторону Воронцовых, те уже дошли до фруктовых деревьев и собирали плоды в корзину.

– Как девку-то вчера проняло, – перехватил его взгляд Андреич.

– Ее можно понять. Столько выпало за последнее время.

– Что делать-то думаешь? Время идет. Через неделю эти черти и впрямь могут нагрянуть в гости. Хотя скорее попозже.

– Думаю, Андреич, найдут они нас в дельте. Так или иначе найдут.

– А как они узнают, что вы здесь? Может быть вы на Каспий отправились.

– Они оставят тут людей, те будут рыскать по всем протокам. До поздней осени. Могут дым заметить или случайно на нас наткнуться.

– Пожалуй ты прав, парень. И?

– На юг надо идти. Что там? Терек, Самур? Наверно подальше, к Самуру. Помню, ты говорил, что там неплохие места. В устье останавливаться не будем, поднимемся повыше. Уйдем по какому-нибудь притоку. Наверняка есть подходящие. Там и зазимуем.

Андреич чуть улыбнулся:

– Ты же понимаешь, что она будет проситься дальше, на юг. Сначала до Куры, а потом еще, до той самой иранской реки. Там только и успокоится. Когда убедится, что знака нет.

– А если есть?

– Тогда надо идти по знакам. Пока они не кончатся.

– Докуда?

– Я там не был, не знаю. Там горы. Надо действовать по обстоятельствам. Только есть одно но. Боюсь, Радомир примерно так же прикидывает, и не исключено, что нечистая понесет его туда же... Весной будете возвращаться, а там в устье, раз, и пост. Пять-шесть человек для такого дела он не пожалеет.

– Справимся.

– Они в вас стрелять будут. Вы – нарушители закона.

– И мы будем.

– Брось, парень. Ни в кого вы стрелять не будете. Не посмеете. Не дай бог покалечите кого или убьете, и все – вы уже не просто личные враги Радомира, а отморозки, реальные нарушители закона. Сейчас к Воронцовым относятся скорее с сочувствием: самооборона, все такое, суд мол решит. А так станете реальными изгоями.

– И что ты предлагаешь?

– Идти нужно прямо к той большой иранской реке. Струг спрятать не в устье, а дальше на побережье. Будет знак, идти вдоль реки по знакам. Не будет, уйти южнее, там и зимовать. За зиму нужно проверить, оставили ли северские пост. Весной, как закончатся шторма, вернуться в дельту Волги, тихо пересидеть здесь до прихода мирабилитчиков и получить послание от Бориса. Надеюсь, к тому времени он все же оборудует какое-нибудь не слишком далекое место, где вы сможете жить дальше.

– А ты? Ты поплывешь с нами?

Андреич посмотрел в ложбину, на дне которой среди фруктовых деревьев мелькали две фигурки в льняных одеждах, затем перевел взгляд вверх, где в безбрежном ярко-синем небе белели кучерявые облака, вдохнул постепенно нагревающийся воздух, в котором аромат степного разнотравья смешался с запахом речной растительности, и негромко произнес:

– Шестнадцатиэтажные небоскребы.

– Что? Извини, не понял.

– Да, Рус. Я с вами.

Глава 3. Из отчета первых. Зона обработки

Лет за тридцать до описываемых выше событий

Мы с женой и двумя детьми-дошкольниками вышли с хуторского двора по утреннему холодку. Июльское солнце еще не успело раскалить воздух, и идти по грунтовке было одно удовольствие. Через десять минут мы уже были около моста через речку, точнее, как указывали онлайн карты, ерик Подпольный. К месту назначения – рисовым чекам, где обычно бывает хорошая рыбалка – идти с полчаса, вдоль стены камыша, мимо зарослей терновника и редких кривоватых маслин. Так в этих местах называют деревья с длинными, светло-зелеными листьями и маленькими, овальными, терпкими на вкус плодами. Вроде бы настоящее их название «лох».

Военных первым увидел Коля, наш старший сын.

– Папа, там опять солдаты.

Неожиданно. Вообще-то они должны были уехать еще вчера, но что-то их задержало.

– Приплыли, – недовольно проворчала жена. – Ну, что? Пошли назад?

– Не, давай подойдем, узнаем, может пропустят.

Вход в район за нашей речкой и до самого Дона, который протекал километрах в восьми севернее, на три дня был перекрыт военными. Причем основательно так перекрыт. Посты стояли на всех дорогах, а между постами ходили патрули. Необычное событие для этих, Богом забытых мест.

Мы всей семьей каждое лето приезжали на хутор под несколько необычным для этих южных мест названием Холодный к моим родителям и любили выбираться в эту безлюдную глушь – на рыбалку или просто гулять, собирать мелкие степные цветы, дышать горячим, наполненным ароматами разнотравья воздухом, купаться и загорать.

Несколько дней назад мама пришла из магазина, центра здешней общественной жизни, и принесла новость о том, что за речкой собираются проводить антималярийную обработку, поэтому проход туда будет закрыт. Местных жителей это не удивило, лишь слегка раздосадовало, потому что за речку каждый день выгоняли пастись хуторское стадо коров.

– Доброе утро, – обратился я к старшему сержанту, стоявшему возле уже разобранный и лежавшей на земле армейской палатки. – Как успехи в борьбе с малярией?

– Здравия желаю. Все в порядке. Малярия побеждена.

– Уже можно проходить?

– Можно. Мы тоже скоро отчаливаем.

– Так что там, распыляли что-то? Мы ничем не траванемся?

– Нет. Там вообще никакой химии не было. Говорят, ультразвуком облучали или что-то типа. Нанотехнологии, ха-ха. Была бы химия, нам бы дали противогазы. Вчера уже все закончили. Нас обещали забрать час назад, но машина сломалась. Короче, идите, не бойтесь. Вы на рыбалку?

– Не, купаться. На рыбалку мы обычно по вечерам ходим.

– А что тут, ловится что-нибудь?

– Не поверишь, иногда даже сомиков килограмм на десять вытягивают. Но в основном мелочевка.

– А давай я с вами пройду до того поля. Там вроде подсолнухи созрели.

– Пойдем. Но им еще рано. Хотя может и найдешь что.

До желтеющего поля было метров пятьсот, и все время, пока мы шли, старший сержант – то ли соскучившийся за три дня по новым слушателям, то ли чисто на инстинктах решив рисануться перед моей женой, симпатичной, стройной, молодой женщиной в коротких, обтягивающих шортах – развлекал нас своими разговорами. Оказалось, что он и двое его сослуживцев

на этом посту – музыканты-контрактники из полка ВДВ, что им было в лом сюда ехать, «комаров кормить», как он выразился, что дирижер им строго-настроено запретил ходить с поста на хутор, даже в магазин, что проверяли их несколько раз за ночь, «похоже особисты». На этом месте сержант похоже решил, что ляпнул лишнее и прервал свой словесный поток. Тут мы как раз подошли к полю с подсолнухами, он попрощался и принялся выскидывать шляпки поспелее. Мы же пошли по пыльной грунтовке дальше.

Коля подобрал палку, убежал чуть вперед и стал сбивать сиреневые головки здоровенных чертополохов. Младший, пятилетний Жорик, поспешил за ним.

– Лиза, ты пользуешься успехом у местного командования, – сострил я.

– Я уж испугалась, что он напросится с нами купаться, – поддержала шутку жена. – Но ему наверно привиделся строгий дирижер.

Мы засмеялись, и я сделал движение, желая обнять жену. В этот момент у меня помутнело в глазах, все тело обожгло невыносимым жаром, и, кажется, я на миг потерял сознание от болевого шока. Детский крик вернул меня к реальности. Я проморгался, увидел впереди и вокруг высокую, пожелтевшую траву и ломанул ее, расчищая себе путь руками. Шаг, другой, третий. Метрах в пяти шевельнулась трава. Быстро туда. К траве прижался Коля, лицом вниз, поджав под себя колени, полностью голый. Он уже не кричал, а скулил, дрожа всем телом.

– Коля, Коля, я здесь. Где болит?

Он схватился за меня:

– Папа, папа!

Сын только всхлипывал, крепко держась за мое туловище. Я гладил его по голове и осматривал.

– Где болит?

Он продолжает повторять:

– Папа, папа.

Никаких видимых повреждений заметно не было, только в некоторых местах покрасневшая как от ожога кожа. Я аккуратно отстранил его от себя, взял за руку, огляделся по сторонам. Вокруг трава. Дорога куда-то пропала. Бред какой-то. Кричу:

– Жорик! Жорик!

Справа, за стеной все той же травы тихий плач. Бросаюсь туда. Коля висит на правой руке как привязанный. Жорик сидел на коленках и тихо плакал. Тоже голый. Что за дьявольщина?! И тут я заметил, что на и мне нет одежды.

Присел и обнял его:

– Все хорошо, все хорошо.

Оба ребенка уцепились за меня, дрожали и всхлипывали.

– Пойдемте поищем маму.

Волшебное слово «мама» немного привело их в чувство. Держась за руки, мы медленно пошли туда, откуда минуту назад примчался я.

Лиза лежала прямо у нас на пути. Одежды нет. Никакой. Дотронулся до нее. Тело горячее. Пульс? Есть. Слава Богу! Бедра обожжены. Сильный ожег чуть ниже пупка. Вид лежащей без сознания матери ошеломил детей. Я сел на землю и положил ее голову к себе на колени. Дети прижались ко мне, и я начал им что-то спокойным тоном рассказывать: про тепловой удар, про потерю сознания, про болевой шок, про то, что это быстро проходит. Через пару минут моего успокаивающего монолога, звука насекомых и чириканья степных пичуг дети почти успокоились, а Лиза пришла в себя.

– Что это было?

– Не знаю. Похоже на тепловой удар.

– Что с детьми?

- Все хорошо. Немножко испугались. Уже почти пришли в себя. Как ты себя чувствуешь?
- Как кипятком ошпарили. У меня все жжет.
- Полежи немного и потихоньку пойдем домой.

Я встал и уже более осознанно огляделся по сторонам. Высокая трава, кусты терновника, заросли камыша, отдельные невысокие деревья. Грунтовой дороги не видно.

«Так, что это было? Где наша одежда? Где дорога? Что вообще происходит? Глюки от остатков антималярийной химии? Ну, а что еще? Чертовщина какая-то».

Я забрался на прибрежный бугор и осмотрелся. Речка на месте, но нет поля с подсолнухами. Ничего похожего на дорогу или какую-нибудь тропку не видно. И вообще все вокруг выглядит как-то совсем не так, как должно. Такой травы я поблизости не припомню. Так, ладно, можно пойти вдоль речки назад, в сторону хутора. Авось выберемся.

Когда я подошел к жене, она уже сидела и прищурившись осматривала детей:

- А где вся наша одежда?
- Понятия не имею. Я пришел в себя голый. Когда нашел детей, они тоже были без одежды и без обуви. Мой рюкзак тоже исчез.
- Там же твой смартфон!
- Похоже, исчез вместе с рюкзаком.
- Что за дурдом?!
- И я о том же. Ладно, давайте соорудим из травы какие-нибудь юбки и пойдем потихоньку.

– Куда?

– Вдоль берега, в ту сторону, откуда пришли.

Мы сплели и напялили на себя какие-то папуасские одеяния, скорее, чтобы защитить от солнца обожженные участки тела, и двинулись. Прошли метров сто, не спеша, раздвигая высокую траву, выбирая, куда ступать босыми ногами. Дети часто вскрикивали, наступая на колючки.

Вдруг Коля схватил меня за руку:

– Папа, там что-то шевелится! – И указал вправо. Присмотревшись своими близорукими глазами, я увидел, что в траве действительно кто-то или что-то лежит и пытается двигаться, от чего трава дрожит. Мы потихоньку стали приближаться. Это был человек, тот старший сержант.

Я подошел к нему. Дети с женой остались чуть поодаль. Все его тело было красным, в страшных ожогах. И ни следа одежды, как и у нас.

– Сержант, ты слышишь меня?

В ответ невнятный стон.

– Браток, ты слышишь? – Я не решался дотронуться до него, боясь причинить боль обожженному телу.

Вдруг он тихо, но разборчиво пробормотал:

– Позови моих.

– Да, сейчас позову, потерпи.

– Ждите три года.

– Что ты сказал?

– Ждите три года. Так ... говорили ... на разводе. Ждите три года. Сами поймете. Позови моих.

Я подумал, что ничем не могу в этот момент ему помочь, надо идти к его товарищам, которые вызовут врачей.

– Держись, брат. Сейчас мы позовем твоих.

Я нарвал травы и, как мог, укрыл ею от поднимающегося солнца тело впавшего в забытье парня. Мы прошли вдоль речки метров пятьсот. Где-то здесь уже должен быть пост. Но ничего

и никого не было. Вообще никаких следов. Прошли еще какое-то расстояние. Вот поворот реки. Здесь должен быть мост. Вон холм, за которым обычно виднеются крыши хуторских хат. Не видно ни моста, ни крыш. Только обычная прибрежная растительность. Девственная природа донского края. И ни единого следа человека.

– Так, ждите меня здесь. Я переплыву речку, заберусь на холм, осмотрюсь и сразу назад.

– Саша, не оставляй нас!

– Я быстро, туда и обратно. Нам надо понять, что происходит. Стойте здесь, чтобы я вас видел.

Осторожно пробравшись сквозь камыш, я переплыл неширокий ерик. Растительность на выжженном склоне холма была менее приятной. То и дело попадались какие-то колючки. Пока взбирался на невысокий холм, два раза сильно уколол ступни. Но поднявшись наверх и оглядевшись по сторонам, я и думать забыл о такой мелочи. Здесь пойма Дона заканчивалась, а к югу начиналась настоящая степь – километры желто-буро-зеленой травы, островки ковыли и невысокого кустарника. И ни следа цивилизации. Ни домов, ни линий электропередач, ни дорог, ни лесополос. На севере виднелась широкая пойма Дона, со всеми ее ериками, озерами, старицами, болотцами. Видна была и зеленая, извивающаяся, сплошная полоса прибрежного леса, за которым должна нести свои воды великая река. Пока я стоял и всматривался в эту прекрасную, завораживающую и абсолютно нереальную для современной Ростовской области картину, у меня в голове носились мысли, состоявшие исключительно из нецензурных слов.

Когда мы вернулись к сержанту, он был мертв. Я оттащил тело поближе к песчаному берегу, вырыл палкой и руками неглубокую могилу, которую мы забросали глиной, песком и дерном. Место отметили пирамидой из трех палок метра по полтора, связанных сверху полосками коры. Я попросил жену прочесть молитву, потому что сам не знал ни одной, но она находилась в ступоре и не могла ничего произнести. Поэтому я прижал их к себе, и мы недолго молча постояли рядом со свежей могилой.

Обряд погребения совершается в какой-то степени на автоматизме. Он полезен для исполняющих его людей – как психологически, так и духовно. На какое-то время наш мозг занимает себя сравнительно простыми «техническими» мыслями вместо того, чтобы тяжело горевать или изводить хозяина невеселыми думами о бренности бытия. Но после совершения обряда неизбежно приходит черед задуматься о будущем, в моем случае, прежде всего, о будущем моей семьи.

Размышляя о последних словах старшего сержанта и вообще о всем, что он рассказал, я составил у себя в голове такое представление о случившемся. Это не были какие-то там анти-малярийные мероприятия, их не должны проводить с привлечением такого числа военных, и тем более с активным участием особистов. Это, скорее всего был некий секретный эксперимент, в результате которого участников могло забросить в иную, скажем так, реальность. Забросить только тела, без одежды и предметов из нашего мира. И вернуться назад участники эксперимента смогут каким-то образом через три года, в лучшем случае. Примерно так я и описал свое понимание ситуации жене, упустив фразу «в лучшем случае».

– Так может быть кто-то еще оказался здесь? – задала резонный вопрос Лиза.

– Может быть. Будем следить за окрестностями. Дым костра – самый очевидный знак присутствия других людей. Но давай особо на это не надеяться. Я понимаю ситуацию так: нам нужно выжить здесь в течение трех лет.

– Три года?! Кошмар!

– Кошмар, но реально.

– Может быть они увидят, что люди пропали – мы, этот солдат – как-то свяжутся с нами?

– Честно говоря, я бы не стал на это надеяться. Не зря же он сказал «три года». Ну и кроме того у меня впечатление, что они толком сами не понимают, что и как у них работает.

Иначе не случилось бы такое – ни с нами, ни с сержантом. Скорее они действуют наугад, ставят эксперименты, точно не зная, что из этого получится.

– А может это прошлое, кайнозой какой-нибудь?

– Если и прошлое, то не очень далекое. Климат, вроде, не особо отличается. Реки на том же месте... Слушай! Если здесь нет технической цивилизации, Дон не перекрыт плотинами, то весной вот это все уходит под воду. Раньше тут были очень сильные паводки. Три года мы вот именно на этом месте не продержимся. Надо искать какую-то возвышенность.

– Нам нужна чистая, питьевая вода, родник или колодец.

– Еще нужен лес – для строительства и дров. И охоты, если получится.

– Здесь бывают грибы?

– Бывают, но редко и часто ядовитые. Здесь должно быть много рыбы и дичи.

– И соль нужна.

– Папа, ты говоришь «три года», но мне же в сентябре в школу идти, – удивленно посмотрел на меня Коля.

– Мы с мамой самые лучшие учителя. Три года будешь на домашнем обучении, – улыбнулся я.

– А где наш дом? – спросил Жорик.

– Построим сами.

– Как поросята? Каменный или деревянный?

– Как получится.

– Нужно каменный, чтобы волк не сдул.

– Если вы с Колей будете помогать, то сможем построить и каменный.

– Будем, будем. Правда, Коля?

Мы много еще о чем рассуждали, расположившись на траве в тени небольшой прибрежной группы деревьев, и в итоге решили перебираться в более подходящее место, но где-то с неделю ждать, оставаясь именно здесь. Нужно было прийти в себя, осмотреться, немного изучить окружающую нас действительность. Ну и была какая-то надежда, что за это время нас может быть как-то отсюда вытащат, или же мы обнаружим поблизости еще кого-нибудь.

Если здесь нет или очень мало людей, то, значит, много зверей, в том числе хищных. От них нужна какая-то защита. Днем в случае опасности можно залезть на дерево, а вот ночью... Всю ночь на дереве не просидишь. К тому же у реки к вечеру будет кишмя кишеть комарами, которые нас попросту съедят. Исходя из всего этого, я выбирал место для предстоящей ночевки. Подходящей мне показалась полянка в центре С-образных зарослей терновника, метрах в двухстах от берега. С трех сторон полянку надежно защищала стена колючего, непролазного кустарника высотой выше человеческого роста. Оставшийся проход я перегородил двойным плетнем. Для этого пришлось выломать дюжину здоровенных сучьев, вкопать их в землю, вплести между ними ветки потоньше и кое-где связать стенки между собой ивовыми прутьями. Благо грунт был податливый, с песком. Промежуток шириной сантиметров тридцать дети стали забрасывать чем попало: ветками, травой, кусками земли, дерном. А я перешел к сооружению узкой, плетеной двери.

– Папа, – посмотрел на меня Жорик, – ты же сказал, что мы будем строить дом из камня.

– Да, но не сегодня. так быстро мы не успеем построить хороший дом. Нужно выбрать место и подготовить камни. А сегодня мы построим шалаш, как у индейцев. Ты хочешь немного пожить в настоящем индейском шалаше?

– Хочу!

– Тогда помогай. Вместе мы справимся быстрее.

Пока мы занимались «фортификацией», Лиза нашла под невысоким обрывом пласт глины и стала лепить из нее посуду, экспериментируя с составом глины и формой сосудов. Никаких следов родника быстрый осмотр местности не принес. Поэтому нам срочно нужна

была посуда для кипячения воды. В крайнем случае можно пить и некипяченую воду, но это лишний риск подхватить какую-нибудь кишечную инфекцию или даже что-нибудь похуже.

Я надеялся, что огонь трением мы получим хотя бы минут за десять, но пришлось помучиться почти полчаса, прежде чем натертая палочкой деревянная пыль породила искорку. Времени качественно обжигать глиняную посуду у нас не оставалось. Был уже полдень, летнее солнце пекло невыносимо, ужасно хотелось пить. Слегка обожженную изнутри глубокую тарелку Лиза выложила листьями лопуха, налила воды и стала опускать в нее раскаленные в огне камни, удерживая их кусками толстой коры. Один, два, три. Вместе с четвертым камнем мутная вода забурилась. Пока она проделывала ту же операцию еще с одним сосудом, я ходил по колено в воде и выдергивал камыш, тот, который на самом деле рогоз, с красивым сигарообразным венчиком. Наломал и обмыл целую горку корневищ. Их мы запекли в углях. Подостывшая, с травянистым привкусом, не сильно прозрачная вода и невнятного вкуса печеные корни рогоза стали нашей первой пищей в этом мире. Меня сильно удивило, что дети, хоть и морщили носы, кривились, но ели. Мутноватая, теплая водица вообще пошла на ура.

После обеда жена набрала охапку конопли и занялась плетением тонкой веревки для удочки. Мы с детьми занялись хижинкой.

Наше временное жилище я решил сделать прямоугольной формы, два на три метра. По периметру врыл парами колья. Те, что покороче, образовали стенку высотой метра полтора, чуть выше старшего сына. Из длинных получилась стена высотой метра два, повыше меня. Крыша была односкатной. Угловые колья на верхних концах заканчивались рогатинами. При обработке дерева пришлось изрядно поработать камнем с острым краем. Крышу я смастерил из уложенных вдоль и поперек длинных веток, в некоторых местах стянул их тонкими, гнущимися ветками и полосками коры.

Через какое-то время после наполнения животов младшему захотелось перейти к финальному этапу естественного человеческого процесса переработки пищи. Я тщательно исследовал содержимое «посылки» из нашего мира и в итоге аккуратно сложил на широком листе высыхать в тени около двух десятков семян помидоров – остатков салата, которым бабушка кормила нас каждый день. В последствии я проделал ту же операцию с бывшим содержимым каждого из нас, итогом чего стало порядка 80 семян помидоров.

Время от времени я залезал на одиноко стоящее дерево, у которого к тому времени отломал много веток, и оглядывал окрестности. Заметил лишь какое-то небольшое животное, типа козули, больше ничего интересного. На речке спокойно плавала большая стая диких уток.

Камыш для хижины я сначала попытался срезать острым камнем, но быстро отказался от этого способа и стал подрубать его палкой, прокручивая несколько раз, тогда он обламывался. Пока приноровился, расцарапал руки до крови. Обмотал ладони тонкими ветками, после этого дело пошло быстрее. Не очень толстыми связками камыша мы застелили крышу. Листья с него не срывали. Поверх камыша набросали куски дерна. Уже ближе к вечеру тем же камышом закончили заполнять стены. Камыш несильно утрамбовывали и фиксировали перемычками из тонких веток. Все щели старались забить пучками травы. Умудрились сделать даже подобие камина. Ближайшие к нему участки стены обмазали глиной, чтобы не дай Бог не было пожара. Дверной проем сделали узким, низким и с высоким порошком. Сама дверь была приставной, из толстых связок камыша, скрепленных лозой.

Пока жена занималась испытанием очага и мелкими доработками внутреннего пространства хижины, я взял тонкую веревку, которую она сплела, и отправился на рыбалку. Под крючок я приспособил отточенную косточку из давно уже выбеленного скелета какого-то животного. Несколько червей нашел, пока рыл ямы для столбов. Безуспешно промучившись четверть часа и истратив всех червей, я бросил это занятие. Уже почти в темноте мне удалось довольно быстро наловить руками три десятка раков. Сначала я собирал и складывал в вырытую на берегу ямку раков всех размеров. В конце самых мелких уже стал отпущать.

Как стемнело, мы забаррикадировали проход в нашу терновую крепость и принялись готовить ужин. Я вырыл неглубокую яму. Накидали туда листьев, добавили воды, положили раков, еще слой листьев, сверху камни и небольшой слой земли, а поверх разожгли костер. В костре накалили камни, вскипятили ими воду, напекли корней рогоза. Примерно через полчаса разобрали головешки от костра – раки были готовы. Хоть и без соли, но голод не тетка. Ели вприкуску с кислыми листиками дикого щавеля. Вполне съедобно.

Лиза попробовала заварить чай из листьев терновника, но в такой посуде вкус почти терялся.

Забравшись в хижину, уставшие, с набитыми желудками дети быстро уснули на охапках травы. А мы с женой еще долго сидели, при свете огня плели из травы циновки, вслушивались в ночные звуки и говорили, говорили, говорили.

Вообще-то она человек не очень болтливый, но тут, когда дети спали, дала волю своим чувствам и эмоциям. Она рассказала о своих страхах и тревогах, но запредельного отчаяния я в ее словах не заметил. Ситуацию она восприняла стоически – есть проблема, значит, ее надо решать. Беспокоилась скорее о детях, чем о себе. Слезы были, но немного, для снятия стресса.

Уже засыпая, прижавшись к Жоре, Лиза вдруг сказала:

– Мы не почистили зубы.

– Утром подумаем на эту тему.

Ночью я несколько раз просыпался из-за комаров и опять засыпал. Дети ворочались, чесались, но не просыпались. Это хорошо, крепкий сон идет на пользу. На рассвете раскочегарил камин – чувствовалась утренняя свежесть. Выбираться наружу не хотелось, но я понимал, что график сна придется менять. Рабочий день здесь будет начинаться на рассвете, а то и раньше.

Как только совсем рассвело, я опять забрался на дерево и осмотрел окрестности. Ничего напоминающего человеческое присутствие. Заметил несколько низкорослых диких лошадей, пасущихся на сочной прибрежной траве в полукилометре от нас.

В этот раз мы не забыли ни умыться, ни почистить зубы распушенными концами веточек.

Глиняные сосуды, вылепленные вчера, подсохли. В мягком прибрежном обрыве я сделал печь для обжига, заложил в нее горшки, забил дровами и затопил. Поддерживать огонь оставил своих, а сам принялся сооружать высокий навес перед хижинкой, для тени – днем стояло невыносимое пекло.

– Если появятся какие-нибудь хищники, лезьте на дерево.

– Думаешь, поможет?

– Ну, от волков должно. Они вроде по деревьям карабкаться не могут.

После завершения строительства навеса поблизости больше не осталось ровных и достаточно длинных ветвей, которые подошли бы для сооружения каких-нибудь еще конструкций.

Позавтракали мы все теми же запеченными корнями рогоза с добавлением молодых листьев дикого щавеля. Я попробовал зажарить беззубок, больших двустворчатых моллюсков. Их в речке было видимо-невидимо. Есть можно, но мяса с гулькин нос. Раков ловить практичнее.

Навес получился хоть не очень прочный, но большой. Он давал много тени, а это было именно то, что нужно в знойный день.

Обжиг керамики – процесс небыстрый и требующий большого количества дров. Сушняк мы поблизости весь выбрали: на костер, запасы для камина, для начала работы печи. В дело пошел и старый валявшийся ствол. Его я расщепил камнями и деревянной колотушкой. Пришлось исследовать близлежащие островки древесной растительности. Подвязав к ногам сандалии из цельного куска коры, сделанные ночью перед камином, вооружившись длинной заостренной палкой, я отправился вдоль стены прибрежного камыша. Первой моей целью была

группа деревьев, видневшаяся в полукилометре в сторону Дона. Шел я не спеша, внимательно глядя под ноги и в то же время стараясь замечать, что происходит вокруг. Один раз чуть не наступил на змею, она быстро уползла в высокую траву. Какой-то мелкий зверек метнулся с берега в воду. Из высокой травы тяжело выпорхнула дрофа. Я было кинул в нее копье, но, конечно, не попал. Плохой из меня охотник. Наткнулся на старый костяк какого-то сравнительно крупного животного. Кости для хозяйства решил подобрать на обратном пути.

Подошел к деревьям, забрался на одно из них и осмотрелся. Опять ничего необычного. Впереди, в сторону Дона виднеется настоящая рощица деревьев. До нее километра полтора. Но перед ней ерик распадался на два рукава, и левый постепенно превращался в небольшое вытянутое озеро, гладь которого была усеяна водоплавающей птицей.

Среди деревьев мне попался камень, который я положил на видное место, чтобы позже забрать и сделать из него топор. Ухватив, сколько смог, толстых сухих веток, медленно пошел назад. Взял немного в сторону от своего следа, обогнул островок терновника и был за это награжден, – заметил скопление крапивы. Насколько я помнил, ее молодые листья можно употреблять в пищу. Но главное, тут же росло немного цветущего зверобоя. Прекрасный получится чай.

Сушняк дотащил. Сходил с небольшой корзинкой, сплетенной женой, за зверобоем и подорожником, прихватил несколько больших костей. Опять сходил к месту, где оставил камень. Забрал его и захватил еще сушняка. По возвращении сел обтесывать камень. Потом прожег в подходящей палке угольками отверстие, вбил в него камень. Топор вышел так себе, большое дерево не свалишь, но толстые сучья обрубить сойдет. Обматывать для фиксации ничем не стал. Все равно не поможет. Лучше пользоваться аккуратнее.

Опять наловил крупных раков – их было полно – и запарил в яме с влажной травой. Листочки молодой крапивы, дикого щавеля, подорожника, корни рогоза, мясо раков были съедены без остатка. Попробовали было запечь корни обычного камыша, который с метелками, – нет, почти несъедобно.

Обмыл кости и показал детям, как заточивать их о камни. Сам заточил с обеих сторон тонкую косточку длиной с фалангу пальца, привязал к ней метровой длины веревочку, а ее – к гибкой трехметровой палке. Насадил червя и забросил в воду среди камышей. Поплавком служил кусок коры. В этот раз хотя бы клюнуло несколько раз, но рыба не заглатывала косточку полностью, не удерживалась на ней, просто съедала червей.

После обеда, проведенного около горячей печи, я наносил с берега песка к хижине, а Лиза принялась плести небольшую, квадратную сеть-телевизор. Дети помогали как мне – набирать кучи песка, так и маме – плести веревки. С песком у них явно получалось лучше.

В полдень мы перестали подкладывать в печь дрова и замазали глиной все отверстия, чтобы плавнее остывала.

Метрах в двухстах от нас был небольшой песчаный пляжик. При очередном осмотре окрестностей я обратил внимание, что рядом с ним плавают дикие утки. Это натолкнуло меня на одну мысль. Я набрал кучу беззубок, чуть обжарил их, вытащил мясо из раковин, отнес его на этот пляжик и разбросал на песке. Через полчаса сначала одна утка, а потом и вторая подбирали на берегу кусочки мяса. Съев все подчистую, они уплыли, а я перешел ко второй части своего плана. Для этого очень пригодилась веревка из конопли, сплетенная Лизой. На том же пляжике я воткнул в землю под наклоном не очень толстую, достаточно гибкую длинную палку, так, чтобы ее верхний конец, будучи наклоненным к земле, оказывался в метре над центром пляжика. Если его отпустить, он, разогнувшись, по дуге взлетал вверх. К его концу я привязал двухметровую веревку, заканчивающуюся петлей. В центре пляжика я загнал как можно глубже в землю еще одну палку, так, чтобы она прочно сидела в земле и выступала над поверхностью сантиметров на десять. На конце этой палки была убрана кора и сделан камнем не очень глубокий пропил. Метр веревки оставался на петлю, которая лежала на песке. На рас-

стоянии сантиметров тридцати от петли к веревке был привязан 1-образный колышек. Веревка, привязанная к гибкой, изогнутой палке тянула колышек вверх, но крючок был зацеплен за пропила, и это не давало палке разогнуться. Стоило чуть потянуть за колышек со стороны петли, как он выскальзывал из пропила, палка мгновенно подсакивала вверх, унося за собой всю веревку и, соответственно, то, что захватывалось петлей.

Установив эту конструкцию, я разложил в середине петли и дорожкой к берегу кусочки обжаренного мяса беззубок, а сам притаился в камышах. Ждать пришлось с полчаса. Утка приступила к трапезе, постепенно дошла до петли, наступила в нее, потянула веревку. Механизм сработал. Утку, чья лапа оказалась схваченной петлей, подбросило вверх. Она затрепыхалась, стремясь вырваться. Я бросился к ловушке, боясь, что веревка не выдержит и порвется. Но она выдержала. Ура! Первая добыча!

Печь остыла. Некоторые обожженные сосуды треснули – из-за некачественного состава глины или из-за чего-то еще – но самый большой горшок литров на пять, крышка к нему и два горшка литра по два выдержали закалку и отдавали звоном, если по ним постучать ногтем.

До вечера я носил воду в яму возле хижины, месил из глины, песка и сухой травы раствор, которым обмазал стены хижины и подправил вытяжную систему камина. Соорудил под навесом очаг.

На ужин у нас была похлебка на основе утиного бульона, с добавлением мелко накрошенных листьев щавеля и молодой крапивы. Куски вареного утиного мяса ели каждый из своей одноразовой тарелки, сделанной из листа лопуха. Бульон пили по очереди из самого маленького горшочка. Зелень доставали ложкой из створки беззубки, привязанной к расщепленной палочке. На третье был отвар из зверобоя.

Время перед сном посвятили одежде. Теперь мы уже сможем закрыть свои тела от палящих лучей солнца. Перед тем, как уснуть, я вышел наружу, прислушался к окружающим звукам – ничего необычного. Проверил калитку, вырубил и бросил перед ней пару больших веток терновника.

Ночь прошла спокойно. Комары досаждали меньше – частью из-за того, что мы постарались забить травой и замазать глиной видимые щели, частью благодаря новому механизму плотного прижатия двери. Не было никаких тревожащих звуков. Мы с Лизой время от времени просыпались, изредка подкидывали дров в камин. В эту ночь мы уже могли накрыться циновками из мягкой травы.

Когда дети уснули, жена прижалась ко мне и зашептала:

– Ты представляешь в каком состоянии сейчас твои родители, и мои, если им уже сообщили о нашем исчезновении?

– Да капец. Им же правду не скажут, набрешут чего-нибудь.

– А ты веришь в то, что мы вернемся?

– Ну если они затеяли этот эксперимент, то наверно подумали не о том, как отправлять людей сюда и обратно. Логично?

– Какая в нашей стране может быть логика? Все через одно место.

– Ну раз мы тут все-таки оказались, было бы странно не позаботиться о нашем возвращении. Мы, по крайней мере, ценные свидетели эксперимента.

– А этих ценных свидетелей не обвинят в каких-нибудь нарушениях?

– Это дело десятое. Сначала нужно отсюда выбраться, а потом уже будем думать, как доказывать свою невиновность.

Утро я встретил в приподнятом настроении. У этого было несколько причин: ночью не донимали комары, вчерашний удачный эксперимент с охотой, обильный и относительно вкусный ужин, замечательный результат Лизиних опытов с керамикой и плетением. Первым делом

я залез на дерево и осмотрелся – ничего необычного. Отмыл песком большой горшок, набрал воды, запалил очаг и поставил кипятиться воду. Затем вошел в протоку между камышами, воткнул в дно две палки, так, чтобы они чуть выступали над водой, и закрепил между ними квадратную сетку-телевизор. Вдоль верхней стороны квадрата была привязана простая сухая палка, обеспечивающая плавучесть, вдоль нижней – палка потоньше, на ней ближе к углам крепились два камня в мешочках из коры, которые опускали свой край вниз.

Дети с женой оделись, пришли к реке, умылись, почистили зубы, набрали воды. Мы все вместе прогулялись по окрестностям, прежде всего в поисках полезных трав. Насобирали щавеля, нашли еще немного цветущего зверобоя, сорвали еще каких-то незнакомых травок на пробу.

Вернувшись, я проверил телевизор – пусто. Принялся сооружать на дереве метрах в двух от земли площадку-гнездо. Сделал лестницу, чтобы в случае опасности мы могли быстро забраться вверх. Нашел и затащил на площадку несколько булыжников. К сожалению, камней поблизости было маловато. Сделал три коротких копья-дротика с заточенными костяными наконечниками. Также складировал их в «гнезде».

Взял топор, дротик покрепче и отправился к дальней группе деревьев. Вырубил там, или скорее выломал, три палки подлиннее. Притащил их к хижине и стал мастерить лестницу-стремянку на трех ножках. Пока занимался этим, услышал крики жены. Схватил копье и выскочил за ограду. Они с детьми бежали ко мне и что-то хором кричали. Оказалось, что просто стал дергаться телевизор. Лиза сама не решилась его проверять и помчалась ко мне.

– Ну ты даешь! – Я перевел дух. – Так можно и разрыв сердца получить.

– Ну а как тебя еще звать?

Вернулись к берегу, я залез в воду. В телевизоре трепыхался окунек на полкило. Вытащил его вместе с сетью на берег. Жена принялась его потрошить створкой ракушки, а я занялся починкой сети, которая была порвана в нескольких местах.

Скромный улов мы запекали в листьях и глине. Потом Лиза сидела и отделяла от мяса мелкие косточки для детей, чтобы они не поперхнулись. Мы с ней позавтракали травками и запеченными корнями рогоза.

Я поставил телевизор чуть поглубже и отправился доделывать наблюдательную лестницу. Все ее три ноги я развел на равное расстояние, а в промежутке двух из них закрепил корой перекладыны. По этим ступенькам можно было забираться наверх и видеть, что находится за пределами терновой стены.

Удивительно, что за все это время мы не заметили в непосредственной близости от нашего жилища ни одной змеи. Но это не значит, что они не могут заползти к нам. Наше убежище было как-то защищено от зверья, но змеи и прочая мелкая нечисть могли спокойно пробраться сквозь терновник. Поэтому по внутреннему периметру дворика, впритык к кустам, я наткал парные палки, между ними на землю наложил камыша, травы и коры. На внутреннюю сторону получившегося с метр высотой заборчика насыпал земли и дерна. Хоть какая-то преграда.

Сплавал на противоположный берег речки, набрал в корзину беззубок. Показал детям, как их обжаривать, складывать в корзинку, остужать в воде, разбивать и мясо бросать в воду, поближе к телевизору.

На берегу вырыл яму, ее стенки по периметру подпер палками. Дно, а затем и стены обмазал глиной с песком. Чтобы высушить стенки, развел внутри костер. Получилось хранилище литров на двадцать. Опять отправился с корзинкой на противоположный берег. Набрал раков, ссыпал их в хранилище, залил воду, накрыл яму ветками и крупными листьями. Сверху придавил листья палками, чтобы не унесло ветром. Сходил за раками еще пару раз. Наловил их в общей сложности десятков восемь. Весь улов разместил в яме.

То ли приманенный обжаренным мясом, то ли чисто случайно, в телевизор попался сазан кило на два. Если бы я сразу не бросился к нему, то, думаю, в итоге он порвал бы сетку и ушел. Но повезло, что дети быстро заметили дрожащие палки сети и позвали меня, а я находился поблизости.

Из сазана мы попробовали сварить уху. Не из цельного, покромсали на куски. Помимо листочков крапивы и щавеля попробовали добавить корень лопуха. Получилось нормально. Есть можно. Раков трогать не стали, оставили на вечер.

После обеда вооружились копьями – даже Жорик нес свое, с настоящим острым костяным наконечником – и отправились на небольшую разведку на север.

– Если что, бежим к ближайшим деревьям. Если деревья слишком далеко, прыгаем в реку. Дети держатся за маму, я отбиваюсь копьем. Внимательно смотрим по сторонам и под ноги.

– А кого нам надо бояться?

– Да кого угодно: волков, шакалов, леопардов, кабанов, даже медведей.

– А что здесь и медведи могут быть?

– Ну, в степи наверно нет, но может забредет какой-нибудь. Надо быть готовыми ко всему.

– Папа, а тут жирафы водятся? – спросил младший.

– Не похоже. Но не удивлюсь, если появятся носороги.

– Да ладно, – скептически произнесла Лиза. – Это же не Африка.

– Но и не наш мир. Мы здесь ничего толком не знаем.

Дошли до ближней группы деревьев, осмотрелись. Все в порядке. Пошли дальше. Еще полкилометра. Я влез на одинокое дерево и огляделся. Ничего. Наконец подошли к тому месту, где русло раздваивается. На противоположной стороне располагалась рощица деревьев, и среди них виднелась довольно большая ива. Нам встречалась одна, но совсем крошечная. Мы ее уже полностью ободрали. А хорошо гнущиеся ветки этого дерева будут очень кстати.

Жена с детьми расположились в тени одинокого дерева, на которое можно было залезть в случае опасности, а я поплыл к роще. Встав на берегу, осмотрелся и прислушался. Ничего. Прошелся вдоль берега, нашел пару камней, расколот один о другой, получив острый осколок. Нарезал большую охапку прутьев, обмотал с двух краев. Еще из одной гибкой ветки сделал подобие лямки, чтобы всю эту связку можно было закинуть за спину, а руки оставались свободными, ну или хотя бы одна рука. Развернулся, чтобы плыть назад, и увидел, что дети и жена лезут на дерево, однако не кричат. Чуть испугался за них, но подплыв поближе, не заметил у них следов страха. Похоже, они просто решили полюбоваться с высоты новыми видами.

– Папа, там стадо, – закричал Коля.

– Какое стадо?

– Много маленьких коровок.

– Лиза, ты видишь?

– Нет.

– Это не коровки. Это барашки, – закричал Жорик.

– Да, барашки, – подхватил Коля.

Доплыв до берега, я поспешил наверх. У детей зрение гораздо лучше, чем у нас с женой, но и я смог разглядеть скопление каких-то животных далеко на западе. Стоят на месте, не бегут.

– А на лошадок они похожи?

– Нет, лошадки большие. Эти маленькие.

Возможно, это какие-то небольшие дикие животные, например, сайгаки. Я не стал озвучивать мысли о том, что если здесь есть стада мелких животных, то должны быть и те, кто на этих животных охотится. Не надо лишний раз пугать ни жену, ни детей.

Проследил взглядом за направлением течения нашей речки. Левый рукав, что переходит в озерцо, никакого заметного продолжения не имеет. Правый, идущий к северу, петляет, теряясь в итоге в камышах. А камышей дальше полно, и не поймешь, есть ли среди них глубокая вода, или же это скорее болото.

– Да, похоже, отсюда до Дона нет водного пути, – поделился я мыслями с Лизой.

– Все-таки будем уходить? – с чуть заметной настороженностью спросила она.

– Нам нужен лес. Здесь мы долго не протянем. А весной, во время разлива, просто утонем.

– Когда пойдем? Зачем тогда оттягивать?

– Сплетем нормальную корзину с ляжками, как у рюкзака, для большого горшка, воду нести. Нажарим утятин, если охота будет, и можно идти. Наверно, послезавтра утром.

– А если на плоту?

– Боюсь, наша речка скоро кончится. Я не видел ее продолжения. Пойдем по тому берегу.

Переправимся и двинем вдоль берега, переходами от дерева к дереву.

– А дальше?

– Вверх по течению Дона впадает речка Кумшак. Туда километров сорок-пятьдесят. За сколько мы пройдем это расстояние не знаю, но это самое подходящее на мой взгляд место – там начинается возвышенность, где нас не затопит.

– Мне кажется, это разумно. А если вдруг здесь кто-то появится, как они узнают, где мы?

– Мы оставим им сообщение. На глиняной табличке.

Вернулись мы без приключений. По дороге старались собирать знакомые растения, чтобы не тратить время на их сбор в предстоящем походе. В телевизор, оставленный в воде на время нашей экскурсии, попало что-то большое, сильно изорвало его и ушло. Чинить сеть мы не стали. Раки не разбежались и не протухли, потому что в яме оставалась вода.

Вторую половину дня мы потратили на плетение двух корзин – для меня и для Лизы – и на изготовление обуви – плетеных сандалий, по две пары на каждого.

Раков к ужину сварили необычным способом – я сначала ошпаривал каждого рака в кипятке, потом отрезал у него шейку, отрывал клешни и только эти части кидал в кипящую воду. Так удалось сварить максимум мяса за один раз.

К вечеру поднялся небольшой ветерок и разогнал комаров. Поэтому мы смогли подольше посидеть у костра под открытым небом.

Лиза сидела, смотрела в звездное небо и молчала.

– О чем думаешь?

– А мы сейчас уже должны были ехать к морю.

– С морем не повезло, но скоро пойдем к большой реке.

– Остришь?

– А что остается делать? – я посмотрел на жену, притянул к себе и поцеловал. А потом мы долго глядели в небо, на привычные созвездия. Все как у нас, только не видно огней летящих самолетов.

Ночь прошла спокойно. Все хорошо выспались. Ожоги, полученные в первый день, уже никого сильно не тревожили. Больше всех тогда досталось Лизе, но она все это время стойко терпела.

Утром я первым делом сходил за дровами, обложил ими одно из деревьев, растущих на берегу, и подпалил. Лиза осталась поддерживать огонь, а я отправился за охотничьей приманкой – беззубками и корнями камыша. Нажарив и того, и другого, поискал в округе уток – к сожалению их поблизости нигде не оказалось. Пришлось идти по вчерашнему маршруту к речной развилке, а оттуда сворачивать к озерцу. Там, после долгих поисков подходящего места, я соорудил сразу две ловушки.

Пока я таился в камышах, наблюдая за ловушками, мимо меня проплыли две утки, метрах в пяти – один раз, другой. На третий моя охотничья натура не выдержала, и я метнул в них свой дротик. И, о счастье, попал. Не сильно, но ранил. Кость наконечника с зазубриной зацепилась за плоть и не позволила утке уплыть, пока я спешил к ней.

После этого еще часа два пришлось ждать. Утки не спешили к ловушкам. Одна сработала, но неудачно, петля не ухватила лапу. Я взвел ловушку еще раз. Через полчаса в нее наконец угодила утка. Я снял обе петли с ловушек и с богатой добычей отправился в обратный путь.

К моменту моего возвращения обжигаемое дерево уже перегорело внизу и рухнуло. Мне оставалось только обломать и обрубить с него ветки. После этого я затащил бревно в воду и проверил на плавучесть. Проблема была в том, что наши дети не умели плавать. Одного из них я бы кое-как смог перетащить на себе через речку, а вот другого жена не смогла бы. Значит, на какое-то время один ребенок должен будет оставаться в одиночку на берегу. Этого мы допускать не хотели, поэтому решили переправляться все вместе, держась за ствол дерева.

Одна утка стала нашей едой в этот день. Вторую мы разделали и зажарили на завтра, решив, что жареное мясо портится медленнее вареного.

Я сделал четыре глиняных таблички и на каждой из них выдавил цифру 4 и фигурку человечка, а также написал слово КУМШАК. Затем оставил таблички высыхать возле костра.

За вечер мы напекли много корней рогоза. Уже после ужина вскипятили большой кувшин воды. В один из малых горшков сложили куски жареной курицы, в другой – замотанную в листья и траву одну из глиняных пластинок. Вторую и третью пластинки я отнес в небольших ивовых корзинках, набитых травой, к месту нашего появления и к могиле сержанта и оставил там. Кроме того, на могиле я поставил крест, а треножник перенес на место нашего появления. Возвращался уже в темноте. Долго мы сидеть не стали, легли пораньше. Завтра нас ждал трудный день и начало долгого пути.

Глава 4. Море

Струг еле заметно покачивался на тихой глади крошечной бухты, окаймленной двумя песчаными косами, кое-где поросшими травой и даже небольшими, наполовину высохшими кустами с кривыми ветками.

– Эх, плоховат из луба такелаж, – Андреич с недовольным видом ощупывал потемневшие от воды грубо сплетенные веревки, которые притягивали к бортам здоровенные связки камыша. – Но пока все держится.

– Может, еще камыша добавим, вдруг волнение усилится? – Денис не хотел казаться испуганным, но его голос выдавал тревогу.

– Не дрейфь, матрос. Мы от берега не отдаляемся. Если что, доберешься вплавь.

– Андреич, не шути так с парнем. А то он в лодку больше не сядет, – не отрываясь от массаживания затекшей ноги, вставил Руслан.

– Ну здесь останется. А что? Великолепное место: чистейший песок, прекрасная экология, отличная рыбалка. Да за такой отдых отваливают кучу денег. А тут совершенно бесплатно.

– Если мы добавим камыша, то снизится скорость. Мы и так идем медленнее, чем могли бы, – объяснил Денису Руслан. – В сентябре начнутся штормы, к этому времени нам нужно быть у цели.

– Парень, наше судно – настоящее произведение инженерного искусства. На более примитивных посудинах дикие полинезийцы, не знавшие металлов, преодолевали безбрежные просторы Тихого океана. А их предки пересекли Индийский океан и заселили Мадагаскар.

– О, Андреича понесло, – Маша попробовала уху на соль.

– Вот вы говорите деньги, – вступил в разговор Вовка. – А правда, что за деньги можно было купить что угодно?

– За большие деньги да.

– А у вас много было денег?

– Очень! Я даже смог себе купить смартфон. Ха-ха-ха. Шутка. Нет, много денег у меня никогда не водилось.

– А почему? Вы не работали?

– Я был студентом, и подрабатывал писаниной.

– Рассказы писали?

– Статьи, для сайта.

– Вы в интернете работали? – загорелись глаза у Вовки.

– Ой, Вова, хватит смешить. Дураком я был. Чушь всякую писал. По молодости мозгов не доставало, поэтому меня хватало только на идиотские статейки для сайта «Русские, вперед!», за них платили копейки. Был я, Вова, нищим писакой-идиотом на подхвате у чуть менее нищих фанатиков-идиотов, – улыбка сошла с его лица.

– Давайте обедать, – Маша сняла большой медный котел с костра, а котелок поменьше, в котором уже почти закипела вода для чая, передвинула ближе к центру.

– Давайте, – Руслан достал свою деревянную тарелку. – Быстрее поедим, скорее поплывем дальше. Погода отличная. Надо пользоваться.

Солнце все ниже опускалось на западной стороне небосклона. Ветер утих настолько, что пришлось взяться за весла, чтобы направить струг к недалекому островку, за которым громоздилось скопление других кусков суши разной формы и размеров.

– Терек, – устало произнес Андреич. – В дельту далеко не углубляемся, комары съедят.

– Ночью дежурить будем? – спросил Денис.

– Нет, на островах нет ничего опасного. Если только змеи.

Мужчина перевел взгляд на Руслана:

– Ну что, Рус, сегодня уже танцуешь?

– Сплю.

– Тоже дело. Поедим и спать. Маша, что там с запасами?

– Один мешок уже пустой.

– За неделю. Нормально. Глеб, как причалим, проверьте мешки с едой. Чтоб все сухо было.

Ночью восточный ветер поднял на море приличную волну. Глеб с Вовкой, спавшие в струге, разбудили Руслана. Тот оценил обстановку и растолкал остальных. Волнение усиливалось. От греха подальше струг вытащили повыше на песок. Из-за набежавших туч было непонятно, когда же наступит рассвет. Закапал дождик. Сняли с мачты парус и кое-как устроили навес, под которым все и сгрудились, прижавшись друг к другу. Оставшиеся два мешка харчей поместили в центр, чтобы не замочило.

Маша вслушивалась в завывание ветра, скрип повидавшего виды струга, хлопки трепещущего тента, редкие всхрапы товарищей. Сон не шел. Она повернулась на другой бок и оказалась лицом к лицу с Русланом. Его глаза были закрыты. Он спал тихим, спокойным сном. Где-то сквозь прорехи в тучах уже пробивались солнечные лучи, поэтому она различала черты его лица. Ей вспомнился тот день, почти месяц назад, когда она сидела сзади него в лодке, любовалась мощностью его мышц, гармонией его движений, вспомнилось желание того, чтобы он как можно дольше был рядом. Что это было тогда? Гольй расчет? Нет. И вот она добилась своего – они вместе плывут в неизвестность, а она по-прежнему выделяет его среди других, поправляет прическу, когда знает, что он посмотрит на нее, непроизвольно распрямляет спину, уловив его взгляд, нет-нет да поглядывает на себя в зеркальце. А он? Что он? Они разговаривают, как хорошие друзья, как товарищи по несчастью. Иногда она замечает его интерес, его робкие попытки помочь ей. Ну, это естественно. Она здесь единственная девушка. Хотя какая к черту девушка? Грязная корова с лохматой, нечесаной шевелюрой. Скоро ее одежда превратится в заштопанную лохмотья, морда растрескается от южного ветра, зашелушится от этой странной соленой воды. И весь его интерес сведется к одному лишь вопросу, нормально ли она посолила эту опостылевшую всем уху. Она представила себе, как пересаливает, и он, попробовав эту противную баланду, выплескивает остатки ей в лицо...

Сильный порыв утихшего, казалось бы, ветра сорвал с креплений чуть ли не половину паруса, и спящих окатило потоками холодной дождевой воды. Маша вскочила, не понимая, где явь, а где сон. Руслан мгновенно был на ногах и, схватив край отброшенного полотна, вернул его в прежнее положение.

– Держи! Я за новым крепежом, – крикнул он Глебу и бросился с топором к ближайшему дереву.

Они сидели под восстановленным тентом, наблюдая за неистовством бури и щурясь от прилетающих снаружи мелких брызг. Руслан, мокрый и грязный, повернулся удостовериться, хорошо ли спрятаны мешки с продовольствием, и встретил взгляд Маши. Та пристально смотрела на него, и ему показалось, что капли на ее лице были не от дождя, а от слез. Он был в полном недоумении.

Потом ветер утих – почти так же неожиданно, как и начался. Вскоре прекратился и дождь.

Без особых происшествий следующие несколько дней двигались вдоль безжизненного берега. В этой зоне полупустынь даже животные встречались не часто. Однако в устьях редких речушек попадались небольшие островки, обильно поросшие растительностью и с изобилием водоплавающей птицы, которая вносила разнообразие в рыбный рацион мореходов. Наконец, где-то на самом краю горизонта показались высокие холмы. С каждым часом они росли, посте-

пенно превращаясь в настоящие горы. Молодые люди во все глаза смотрели на доселе невиданное чудо природы.

– Вот это, – Андреич показал на место, где горы перестали приближаться и пошли параллельно берегу, – Дербентский проход. Можно сказать, ворота Кавказа.

Вид вздымающихся гор так очаровал молодых людей, которые провели всю жизнь в степной местности, что они перестали обращать внимание на коричневую, опаленную солнцем землю берега.

– Йо-пэ-рэ-сэ-тэ! – их огорошил возглас Андреича, сидевшего на носу. Струг огибал мыс, такой же коричневый, как и вся низменность между морем и горами. За поворотом на галечном пляже лежало пять пятнистых животных, метр с небольшим в длину, с передними конечностями в виде ласт и хвостом. – Тюлени. Никогда раньше не видел их так близко.

Лодка прошла метрах в двадцати от безмятежно лежащих животных. Они едва удостоили ее своим вниманием.

Подул достаточно сильный попутный ветер, и скорость стала приличной. На подходе к устью Самура Андреич указал на далекий знак-треножник, одиноко возвышающийся на голом мысе:

– Маша, Денис, это знак экспедиции вашего отца. Первый из двух.

Дальше потянулись ничем не примечательные дни вдоль выжженного пустынного берега, на котором виднелись лишь редкие кривые деревья, колючки и грязно-серая трава. Часто приходилось идти на веслах, а иногда и приставать к берегу, пережидая встречный южный ветер.

Через неделю изматывающей жары и тупой, бесконечной гребли Глеб заявил:

– Если за нами кто-то и увязался, то вскоре пожалеют об этом. А если Радомир упрется и будет заставлять их плыть дальше, они взбунтуются.

– Не исключено, молодой человек, не исключено, – прокомментировал Андреич. – К тому же уже вторая половина августа, а сентябрьские шторма никто не отменял. С ними здесь можно надолго застрять.

Наконец, достигли Апшерона. На самой восточной его оконечности все еще стоял, немного покосившись от ветров и времени, второй знак.

Сутки отдохали на берегу возле небольшого ручейка, сбегаящего с высоких холмов. Была слишком сильная волна, да и ветер не совсем попутный. Проверили продовольствие – остался последний мешок. Все, кроме основных круп, было давно съедено.

– Вова, ты говорил, что каких-то семян из дому взяли, – Андреич подкинул дров в костер, и почему-то решил уточнить детали.

– Редиску, морковь, свеклу, огурцы и помидоры.

– Помидоры, – задумчиво повторил за ним Андреич, – помидоры. Хорошо.

Он что-то прикидывал в голове, видимо, рассчитывая примерный рацион на следующий год. – Даже очень хорошо. Можно нормально питаться.

– Жаль, картошки не будет, – сонным голосом сказал Денис.

– А я думал, ты спишь, – повернулся к нему Андреич. – И без картошки можно прожить. Я первые три года здесь вообще картошки не видел.

– А где ты жил? Сразу в Кумшаке?

– О, ты уже на «ты», наконец-то. Не, сначала, как и все, в Калитве, потом в Северске. Потом опять в Калитве. В Кумшак позже перебрался.

– А что так носило?

– В Северске с Радомиром не ужился.

– Что он, и тогда борзел?

– Ну а как ты думаешь? Они со своей реконструкторской кодлой сразу стали собственные порядки наводить. И донаводились – до того, что от них стали толпами бежать.

– В Калитву?

– В основном в Калитву, но Бахмут тоже частью из таких беженцев вырос. Там всё же чуть пореже их видно было.

– Мне мать, помню, рассказывала, что он на себя работать заставлял, – Глеба разговор тоже заинтересовал.

– Ну не на себя лично, а «на благо общины». Это так называлось.

– А в чем «благо общины», решалось Радомиром, – улыбнулся Руслан.

– Именно так. Частокол вокруг поселка надо ставить? Надо. Будь добр, три дня в неделю иди и поработай. А то, что у тебя своих забот полно – это дело десятое. Вот и получается, частокол поставили, но жили в полуземлянках. От зверей типа отгородились, но в первую зиму только от воспаления легких и прочих болячек умерло пять человек.

– А в Калитве что было не так? – спросил Глеб.

– Там поменьше дурдома было, но об этом долбаном благе общины тоже не забывали. Эти стали любителями дальних разведок. Половина мужиков в разведке, а половина, значит, за двоих корячатся. Некоторые не только днем, но и ночью, с женами разведчиков. Хе-хе. Мне, как раз, не повезло, я был таким вот разведчиком. Хотя может быть, наоборот, повезло – стал полностью свободным человеком.

– Так ты в Кумшак от жены ушел?

– Да, Машенька, от неверной жены. Хотя, строго говоря, женаты мы не были. Были, так сказать, постоянными партнерами.

– А какая разница?

– Здесь – никакой.

– А вообще?

– У мужа и жены были штампики в паспортах.

– И что это давало?

– Статус. Особенно это было важно женщинам – статус замужней.

– Чуть какая-то.

– Были и такие, кому на этот статус было плевать. Вот нам с Нинкой, например. Мы были представителями продвинутой молодежи.

– Извини, а что с ней?

– Она осталась в Калитве, и в одиннадцатом году умерла от аппендицита.

– Детей у нее не было?

– Нет. Может, поэтому и загуляла, – думала, что во мне проблема. Оказалось, не во мне. – Андреич ухмыльнулся.

– Так вас же перед заброской проверяли врачи.

– Проверяли. Но, получается, в этом деле на сто процентов точности быть не может.

Ветер, непрерывно дувший с берега, утих. Руслан лежал на своей постели из подсохшей травы и размышлял над тем, что сказал старший товарищ. Раньше ему не доводилось слышать от него таких откровений. Да и вообще, о таких вещах люди не часто говорят. Он вдруг вспомнил его нынешнюю жену.

– Андреич, а как же Вера? Она ведь будет по тебе скучать.

– Она привыкла. Она знает мою бродячую натуру. Я прихожу неожиданно и неожиданно ухожу. Ну не совсем неожиданно, обычно предупреждаю за пару дней.

– А если тебя целый год не будет, или даже больше?

– Тем приятнее будет встреча.

– Ты ее не жалеешь.

– Наверно ты хотел сказать: «Ты ее не любишь»? Если хочешь откровенно, Рус, у нас нет большой любви. Наши отношения как раз точнее всего можно описать этим самым техническим термином – «партнеры». Мы именно партнеры. И мы хорошие, верные, надеюсь, друзья. Мы ничего друг другу не обещали. Наши отношения не опошлены формальными обрядами.

Ты не подумай, я не хочу сказать, что это идеал для взаимоотношений. Просто у нас – так. И нас это устраивает. Меня точно. Ее наверно меньше, но она учитывает мою натуру. Ну и нам не уже не по двадцать лет, и даже не по тридцать. Поэтому, когда через год я открою дверь нашего дома, она встретит меня с радостью и без упреков. А я буду рад видеть ее.

Пока плыли до устья Куры, несколько раз налетал резкий сильный ветер. Площадь паруса уменьшили вполтину. Скорость сократилась, но теперь было меньше беспокойства, что лодку опрокинет шквалом.

– Начиная отсюда и до того мыса, мы тогда все облазили. А там стоял наш вигвам, – делился воспоминаниями Андреич. – Вот здесь ночью наш струг чуть штормом не унесло в море.

Еще через несколько часов подошли к мысу, за которым открывался проход в небольшую бухту.

– Все. Это крайняя точка. Южнее мы не ходили. Давайте-ка вот там, на островке, и заночуем.

Быстро стемнело. Улеглись спать прямо под чистейшим звездным небом. Руслан, чье дежурство пришлось на вторую половину ночи, прислушивался к звуку цикад, любовался яркими созвездиями, время от времени замечая падающие звезды. Свет луны позволял видеть очертания кустов, близкую стену незнакомой высоченной прибрежной травы, фигуры спящих товарищей. Маша лежала, укрывшись грубой циновкой, которую сплела, сидя в лодке. Контуры ее лица лишь угадывались, но это помогало воображению выстраивать образ той, мысли о которой поселились в его голове.

«Интересно, как можно назвать мои чувства к этой девушке? Любовь? Кто его знает? Я толком не знаю, что такое любовь. Хотел бы я, чтобы она была моей? Ну конечно! А жить вместе в нашем общем доме? Предел мечтаний! Но как, как, черт побери, выяснить, что она думает обо мне?! Вдруг она скажет, что я хороший парень, но не более того? Получается, что мое чувство к ней больше всего похоже на страх, страх, что она считает меня просто другом. Не хочу быть другом! Но ведь дружба – это хорошо. Оказывается, не всегда. Ладно, время покажет».

Утро лагеря началось с восторженного Машиного крика:

– Смотрите, розовые цапли!

Несколько десятков птиц необычного цвета подлетели к острову и бродили по соседней отмели. Молодежь вскочила на ноги, чтобы полюбоваться этим чудом. Андреич, который почувствовал, что спать больше не получится, произнес:

– Фламинго. Вполне съедобны.

Впрочем, охотиться на таких очаровательных созданий никому и в голову не пришло. Вокруг было изобилие другой птицы.

Струг миновал мелкий залив, который Маша назвала про себя птичьим раем, и опять пошел вдоль полупустынного берега.

– Рус, давай я за тебя на носу подежурю, – девушка перебралась вперед. – Ты этой ночью меня слишком долго не будил.

– Да вроде как обычно.

– Не-не-не, я чувствую, что ты подарил мне как минимум час сна.

– Ой, да вот в лодке и высплюсь.

– Я это и предлагаю. Перебирайся к середине и ложись, пока ветер попутный.

«Ты настоящий друг», – хотел было он сказать, но вспомнив свои ночные размышления, осекся.

Через несколько дней опять показались горы.

– Где-то тут начинается Иран, – заметил Андреич.

– Красивое название, – отозвалась Маша. – Там наверно много девушек с именем Ира.

- Нет, там много девушек с именем Зульфия.
- Тоже красивое имя.
- Ну, не знаю. Я бы так дочку не назвал.
- Слушай, а у тебя есть дети?
- Были. Первый ребенок родился мертвым, второй умер в полтора года.
- Извини.
- Да что уж.
- Андреич, а ты был в Иране? – скорее из-за желания заполнить неловкую паузу спросил

Денис.

- Нет, я вообще не был за границей. Кроме Белоруссии. Но туда не нужен заграничный паспорт.
- Он дорого стоил?
- Кто?
- Этот паспорт.
- Да вроде нет. Но чтобы границу попасть, еще визы нужны, билеты на самолет, за

гостиницу платить.

- Что за визы?
- Разрешение на въезд в страну. Тоже денег стоят.

Денис задумчиво смотрел на горы.

- А граница – это что? Ну, физически. Забор? Стена?
- Где-то стена, где-то река, может колючая проволока. Везде по-разному.
- Интересно, вот здесь по горам тоже стену строили?
- Нет. Как ты в горах стену построишь?
- Ну как? Если на Луну летали, то в чем проблема по горам стену построить?
- Да не нужна она в горах. Там никто не ходит.

Опять помолчали.

– Смотри, а если дойти до того места, где кончается стена, или что там еще, и начинаются горы, то по горам нужно будет только чуть-чуть пройти, и ты уже в Иране. И денег не надо.

- Там на тропах пограничники дежурят.

Какое-то время Денис перерабатывал информацию.

– А зачем вообще нужны были границы? Какой смысл держать столько дежурных в горах? Ну пройдут несколько человек, в чем проблема? А большую армию они все равно не остановят.

– Денис, будь моя воля, я бы отменил все границы. Они нужны, только чтобы с людей деньги собирать.

- А кому шли эти деньги?
- Государству. На содержание тех же самых пограничников.

Денис опять задумался.

- Что-то я не вижу логики. Какой-то бессмысленный круговорот денег.
- О, если бы ты руководил этим круговоротом денег, то логика тебе была бы понятна.

Потоки денег можно направлять так, что часть из них оседает в твоём кармане.

- Но люди же увидят?
- Слушай, в Северске четыре улицы. Так?
- Да.
- Как ты думаешь, какую из них стали мостить камнем первой?
- Наверно улицу Пожарского.
- Ты прав, мой юный друг. А почему? Почему не Славянскую, не Победы?

Денис заулыбался:

- Там стоит дом Радомира.
- Именно! Люди увидели? Увидели. И что? В основном промолчали. Не захотели связываться. А те, кому такие фокусы в итоге сильно надоели, перебрались в другие места.

Уже вечером, на берегу у костра, когда пили чай из свежего чабреца и листьев малины, Денис вдруг вернулся к этому разговору:

– Так что, Андреич, у нас рано или поздно тоже будет государство?

– Не знаю, – вздохнул тот. – Это зависит от вас и следующих поколений. Думаю, пока есть куда уходить, недовольные будут уходить, расселяться по миру. Каждый будет выбирать сам, как ему жить – с государством или без. Ну, конечно, если через сто пятьдесят три года Родина не преподнесет нам какой-нибудь сюрприз.

– Или раньше, – буркнул Глеб.

– Ой, только давайте не начинать все эти разговоры о раньше! Будем трезво смотреть на вещи: заброска одного человека отдаляет возможность следующего контакта на полгода. Значит, раньше никак.

– А нам в школе говорили, что может быть... – начал было Глеб, но Андреич его прервал:

– Нам в школе тоже много чего говорили. Только никто не говорил, что параллельно существует почти такой же, но безлюдный, девственный мир, куда можно от нас закинуть триста шестьдесят человек.

Глава 5. Находка

Шторм бушевал три дня. Вдобавок к сильному, порывистому ветру, несущему мириады мелких соленых брызг, на вторую ночь пошел дождь. Струг оттащили на берег, подальше от гигантских волн, способных перемолоть в щепки даже судно побольше. Крыша с крутыми ска- тами, покрытая двойным слоем дерна, сносно держала непрерывные потоки воды. Подходы к хижине обложили срубленными колючими кустами, а за первые сутки, чтобы не скучать, сплели из веток какую-никакую дверь. Все это позволило отказаться от ночных дежурств. Дождь то прекращался, то начинался вновь. Чтобы не сидеть сиднем в тесной хижине, Руслан затеял возведение перед входом большого навеса.

– Молодец. Хозяйственный парень, – похвалил его Андреич. – Чем будешь крыть веранду?

– Камышом.

– Замучаешься таскать его издали по такой грязюке.

– Все равно заняться нечем.

– Это не только неэффективно, но и опасно. Кто знает, что тут водится – медведи или какие-нибудь леопарды. По одиночке лучше не ходить. Вон наруби еловых веток, и хватит.

– Уговорил.

– Возьми мое мачете. Им удобнее.

Руслан принес первую охапку мокрой хвои, и Маша без лишних разговоров принялась ему помогать.

– О, какая у вас слаженная команда, – улыбнулся Андреич. – С полуслова понимаете друг друга. Из вас может получиться хорошая ячейка общества.

– Что за ячейка? – не понял Руслан. Маша покраснела, но никак не прореагировала.

Через час с небольшим навес был готов. Постепенно все переместились под него, кроме Вовки, который лежал в хижине с большим животом.

– Что ж ты такое съел, парень? – присел к нему Андреич.

– Вроде все как обычно.

– Наверно руки не мыл перед едой?

– Да, кажись, мыл.

– Мы сейчас в таких условиях живем, что хоть мой, хоть не мой, все равно какую-нибудь заразу подхватишь запросто, – вступился за компаньона Руслан.

– Ладно, потерпи. Сейчас осину поищем, сделаем отвар из коры. Должно полегчать. Глеб, Руслан, сходите, будьте добры. Что парню страдать?

Они бродили по побережью часа два, отдалялись от берега, взбирались на холмы и осматривали окрестности. Деревьев и так было немного, а уж осин среди них не попадалось вообще. Наткнулись на лежащего в высокой траве старого, большого бизона и обошли его стороной. Наконец, рассмотрели вдалеке что-то похожее на тополя и направились к ним. Ступая по чавкающей грязи, Руслан вдруг вспомнил непонятные слова из недавнего разговора:

– Глеб, что такое ячейка общества?

– Это... ну, так семью называют.

До Руслана дошел смысл сказанного, и он застыл на месте.

– Что встал? Из вас и правда вышла бы неплохая пара. Маша на тебя явно глаз положила.

– Да просто ей не на кого больше глаз ложить.

– Класть.

– Что?

– Она могла вообще ни на кого не засматриваться, но видно, что к тебе она равнодушна.

Руслан погрузился в свои мысли, и дальше шли молча. Так дошли до деревьев.

– Тополь тоже сойдет.

Надрали коры.

– Хватит. Пошли назад.

Они отошли от деревьев шагов на пятьдесят, и тут Глеб закричал:

– Волки! Стая!

– Назад! К деревьям!

Скользя по мокрой глине, парни помчались к спасительным стволам. Только когда они уже взобрались на нижние ветви метрах в двух над землей, Руслан спросил:

– Далеко?

– Вон за тем холмом. Сейчас появятся. Через пару минут будут здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.